

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СССР НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ И САТЕЛЛИТАМИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Людмила Алтунина
(г. Тула)

ЛЕГЕНДАРНАЯ 232 АЛТАЙСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Алтунина Людмила Дмитриевна родилась и выросла в Сибири,— в Горном Алтае. Закончила факультет журналистики Казанского госуниверситета. Более 35-ти лет — в журналистике: написано более тысячи статей для печатных СМИ, местных и центральных. Работала и на радио. Автор и соавтор более десятка книг прозы, стихов, публицистики; пишет и для детей. Печаталась в журналах и альманахах «Сибирские огни», «Московский Парнас», «Золотая строфа. Стихи для детей» (Москва), «Лига культуры» (международный), «Приокские зори», «Ковчег», «День тульской поэзии», и др. Неоднократный лауреат различных конкурсов. Дважды финалист Всероссийского конкурса короткометражных фильмов «Семья России» (в номинации «Проза») — 2007, 2013; Тульского православного конкурса «Преображение» (2014). Награждена грамотами Министерства образования и науки РФ; Министерства культуры РФ — дважды. Член Союза журналистов РФ и Академии российской литературы. Ветеран труда.

СИБИРЯКИ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ!

Победа над фашизмом в годы Великой Отечественной войны добыта невероятными усилиями и кровью многих народов, но неоценима роль и велика заслуга в том многонациональной Советской Армии, прошедшей с освободительными боями от стен Москвы до Берлина. За годы Второй мировой погибло почти 27 миллионов советских граждан, из них более 8,6 миллионов — военнослужащие. У автора этих строк многие близкие родственники-сибиряки, мужчины и женщины, тоже воевали. Четверо дядей (трое родных братьев матери и брат отца) не вернулись с фронта, до сих пор считаются без вести пропавшими (подробнее о них еще будет сказано ниже).

Дед по матери, Леонтьев Григорий Яковлевич, не будучи мобилизован в армию по преклонному возрасту, отдав фронту трех сыновей, был председателем большого колхоза в высокогорном алтайском селе Инегень. Исправно снабжал нашу воюющую армию продовольствием, а также овчинными полушубками, вязаными теплыми шер-

стяжными двупальными рукавицами (варежки с двумя пальцами, для большого и указательного,— для того, чтобы в большие морозы удобнее было в них стрелять), валенками, вместе со всем советским народом, трудившимся в тылу, не покладая рук. И ни разу он не сорвал план, что в годы войны было весьма не просто, поскольку планы были высокие, а все мужчины — на фронте. Денно и ночью неистово трудились женщины, дети и старики, в том числе бабушка и мать автора данной статьи, их сестры и снохи. За срыв плана, к слову сказать, в военные годы наказание было суровым, по законам военного времени.

Наверное, генная память о войне у россиян в крови и не дает покоя, саднит душу и родившимся, как и автор этих строк, уже намного позже, но в семье, где всю жизнь ждали не вернувшихся с фронта и все время их вспоминали, и надеялись на их возвращение.

Да и замуж я вышла в семью фронтовиков-добровольцев, уроженцев тульской земли. В. Ф. Алтунина, полвека отдавшая школе, ученикам, дошла санинструктором от старинного среднерусского города Белева до Берлина, расписывалась на Рейхстаге. Была награждена фронтовыми наградами, в том числе медалями «За Отвагу», «За взятие Берлина». Большое число советских людей,— воинов, непосредственно участвовавших в боях, разработчиков и организаторов боевых операций по штурму и взятию Берлина в период с 22 апреля по 2 мая 1945 года (всего более миллиона человек) — было награждено этой медалью — люди разных национальностей и званий, от солдата до генерала и маршала.

Свекор, В. В. Алтунин, попав на Великую Отечественную после Финской войны, куда он, студент иныаза Тульского пединститута, ушел добровольно, был тяжело ранен в боях на Украине, попал в плен и почти два года провел в концлагере «Маутхаузен» (Австрия). Но, испытав на себе все тяготы военного лихолетья, они оба вернулись на родную, тульскую, землю, где и прожили в неустанных трудах, в воспитании сыновей всю жизнь, здесь нашли и свой последний приют.

Видимо, оттого у меня такое чувство, будто сама воевала, потому-то в моей журналистской и литературной деятельности тема войны — сквозная, как и тема Родины, большой и малой. О фронтовиках мною написано немало: не только очерки, интервью, подготовка ко Дню Победы спецвыпусков многотиражной газеты ТулГУ, редактором которой была долгие годы, но и книги. И что интересно, почти все мои собеседники-фронтовики, вспоминая о тяжелых днях войны, особенно в первый ее период, говорили о том, что особым мужеством, смелостью и стойкостью отличались сибиряки: «Эти воины, казалось, не знали ни страха, ни усталости, самоотверженно бросаясь первыми в бой. Стояли насмерть». Не случайно фашистов охватывал ужас, когда они слышали: «Сибиряки идут!». Сибирские дивизии героически дрались на всех фронтах Второй мировой. Отличились они и при обороне Москвы осенью-зимой 1941 года. Как тут не вспомнить шукшиновские строки, характеризующие одного из его литературных героев: «...очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках, день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая...» Вот такие сибирячки и сыграли огромную роль в том, что столицу советские воины не только отстояли, но и погнали от ее стен врага прочь.

Сибиряки стояли насмерть и на 41-м километре — главном рубеже обороны Москвы в 1941 году,— на пути фашистских полчищ, отлично моторизованных, во много раз превосходящих наши силы в военно-техническом оснащении и людских ресурсах, рвавшихся к столице с северо-запада, с Волоколамского направления, надеясь малой кровью и в короткие сроки взять ее, но им это, как известно, не удалось. Героический подвиг, мужество и стойкость воинов Красной Армии, грудью вставших

на пути врага, замечательно отобразил в своем романе «Волоколамское шоссе» писатель-фронтовик Александр Бек.

...Под Москвой, на Волоколамском направлении, между поселками Ленино и Снегири, Истринского района, под открытым небом раскинулся Мемориальный комплекс «Рубеж Славы», собравший боевую технику, непосредственно участвовавшую в сражениях на фронтах Великой Отечественной — и советскую, и немецкую. На ней видны вмятины и пробоины от снарядов. Открывает эту огромную уличную музейную экспозицию, рядом с Вечным огнем, скульптурный ансамбль — монумент «Воинам-сибирякам»: три воина, — двое в полушубках, один в шинели, — с оружием в руках, застывшие в бронзе, в броске, в момент смертельной схватки с врагом. На постаменте аршинными золотыми буквами надпись: «Сибирякам».

Рядом с музеем под открытым небом располагается и сам замечательный Ленино-Снегиревский Военно-исторический музей, который может многое поведать современникам о Великой Отечественной войне, о героических днях обороны Москвы. Отрадно было видеть, что даже глубокой осенью, в холодный пасмурный день, столичные, и не только столичные, педагоги привозят сюда, в эти военные музеи, своих учеников, рассказывают им о войне, о героизме фронтовиков. Школьники слушают с большим вниманием и интересом, фотографируются у памятника сибирякам, возлагают к нему живые цветы.

В поселке Рождествено, тесно соседствующем с п. Снегири, где также шли жестокие оборонительные бои на подступах к Москве, рядом со старинным храмом во имя Рождества Христова, который еще русские цари посещали, есть братская могила с нескончаемой чередой фамилий — золотом на черном мраморе. Жадно пробегаю глазами фамилии, как всякий раз у любой братской могилы, бывая в разных уголках Центральной России, с замиранием сердца ожидая найти родные — Леонтьев, Егуков, но, увы, не нахожу. Однако, и в этой братской могиле могут быть сибиряки — и, может, даже алтайцы. И, наверное, кто-то, где-то также, как я, до сих пор надеется хоть что-то узнать о своих погибших родственниках, по сей день считающихся без вести пропавшими. И кто-то, где-то так же, как я, останавливается перед братской могилой, не только, чтобы отдать дань памяти, уважения и благодарности тем, кто погиб, защищая нашу Родину, но и с неистребимой надеждой увидеть родные имена...

Видно, одному Господу ведомо, где покойся прах стольких, безвестно сгинувших в пекле войны русских солдат и офицеров, в том числе и сибиряков — уроженцев Горного Алтая, вместе со всеми советскими воинами прошедших всеми фронтовыми путями-дорогами до самого Берлина.

Сумско-Киевская Алтайская орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232 стрелковая дивизия — одна из тех героических сибирских дивизий, воины которой дрались с врагами, как бесстрашные львы. О ее героическом боевом пути и будет рассказано.

Обратите внимание — ключевые слова: «Сумско-Киевская... Алтайская...»! Да, эта алтайская дивизия героически сражалась и за Украину, и ей было присвоено почетное наименование освобожденных украинских городов — Сумы и Киев. Она прошла с кровопролитными боями славный, героический фронтовой путь, длиною в 3800 километров, — от Воронежа через Украину, Киев, другие украинские города, которые она защищала и освобождала, Румынию, Венгрию до Чехословакии, где и встретила Победу. Вернее сказать, вместе с другими советскими воинами потом и кровью, ценою тысяч жизней сибиряков-алтайцев добыла ее. Дивизия форсировала крупнейшие реки нашей страны и других стран: Дон, Днепр, Буг, Прут, Серет, Тисса, Морава; дважды совершила беспрецедентный переход через Карпаты; участвуя в кровопролитных жестоких боях.

Е. И. Мордвинова, почетный гражданин г. Горно-Алтайска, со своими юными поисковиками в музее Боевой Славы им. Г. К. Жукова, посвященном 232 Алтайской стрелковой дивизии, созданном ею более сорока лет назад при Республиканской школе-интернате № 1 (г. Горно-Алтайск, Республика Алтай). Ноябрь 2014 г.

Автор статьи Л. Д. Алтунина (справа) — в гостях у поисковиков Музея Боевой Славы 232 Алтайской стрелковой дивизии имени Г. К. Жукова. Слева сидит Е. И. Мордвинова, организатор и руководитель музея, почетный ветеран этой дивизии и почетный гражданин г. Горно-Алтайска — столицы Республики Алтай. Ноябрь 2014 г.

В летописи героических дел, совершенных частями и соединениями Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, 232 Алтайская стрелковая дивизия занимает достойное место. «...Она первой приняла на себя удар во много раз превосходящих сил противника под Воронежем и выстояла в этом сражении, сыгравшем

исключительную роль в оборонительных операциях летом 1942 года (к битве за Воронеж еще вернемся — авт.). Затем — бои на Курской дуге, битва за Днепр, освобождение Киева, Украины, Молдавии, штурм Карпат. Выход с боями на территорию Румынии и затем Венгрии, Чехословакии, где и встретила Победу...

*И где бы ни была 232 стрелковая дивизия, всюду ее личный состав показывал высокие примеры мужества, отваги, героизма во имя свободы нашей Родины»,** — отмечает в своей книге «Дорогой славы земляков» Е. И. Мордвинова — почетный ветеран этой дивизии, почетный гражданин города Горно-Алтайска — столицы Республики Алтай. В 1974 году ею был создан в этом городе при Республиканской школе-интернате № 1 музей и зал Боевой Славы, посвященный 232 стрелковой дивизии. За активную военно-патриотическую работу со школьниками музею было присвоено имя выдающегося военачальника, маршала Г. К. Жукова.

...Получив боевое крещение и неоценимый опыт в жестоких сражениях на воронежской земле, дивизия мужественно дралась, проявляя беспримерный героизм, за многие украинские города. Она освобождала Киев, Сумы, Фастов, Белую Церковь, Умань; отважно сражалась на южном плацдарме Курской дуги. С февраля по август 1943 года линия фронта, где оборону держала 232 стрелковая дивизия, проходила через украинские города Краснополье, Глыбное, Железняк и являлась частью Курско-Орловской битвы.

...Развивая наступление, 2 сентября 1943 года дивизия освободила город Сумы. В этот же день приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина 232 стрелковой дивизии, как особо отличившейся при освобождении этого города, было присвоено почетное звание — Сумской.

В Сумской области, в селе Самотоевка, есть братская могила воинов — сибиряков, в которой захоронено 378 человек. Там побывали вместе с Е.И. Мордвиновой поисковики — школьники. Они встречались с ветеранами 232 стрелковой дивизии, которые на месте бывших сражений сами и рассказали, как все было на самом деле в те грозные дни.

За освобождение 6 ноября 1943 года Киева, где, ожесточенные бои шли за каждый дом, в том числе и на знаменитом Крещатике — Киевской. Именно 6 ноября 1943 года над горисполкомом украинской столицы взвилось красное знамя. Сталину доложили, что Киев взят. Под Киевом многонациональные советские войска 38-й армии, входившей в состав Первого Украинского фронта, под командованием генерала П. С. Рыбалко разгромили 12 танковых дивизий, взяли в плен 41 тысячу фашистов. Уничтожили 1200 орудий, 126 самолетов, 600 танков. Это была грандиозная победа наших сил, достойную лепту в которую внесли и сибиряки-алтайцы. 232 Алтайской стрелковой дивизией за войну было уничтожено 76930 врагов, а в плен их взято 27622 тысячи.

За освобождение от фашистов в ходе трехдневных кровопролитных боев (с 31 декабря 1943 года по 4 января 1944 года), хорошо укрепленного противником города Белая Церковь, — второго по величине, после Киева, украинского города, оккупированного фашистами 16 декабря 1941 года, — куда 232 стрелковая дивизия вошла первой, она была удостоена одной из высших воинских наград — ордена Красного Знамени. Первым с ночными боями ворвался в этот старинный город, основанный Ярославом Мудрым, батальон комбата Г. К. Козлова. Комбат, кстати, впоследствии встречался с алтайскими поисковиками, рассказывал о тех незабываемых днях, о том, как радушно встречали освободителей-сибиряков жители Белой Церкви, — хлебом-солью. Несмотря на то, что была глубокая ночь, люди не спали, а вышли на улицы города, радостно приветствуя алтайских воинов (к вопросу о сегодняшнем отношении к советским воинам-освободителям в Киеве).

* Е. И. Мордвинова. Дорогой славы земляков. — Горно-Алтайск, 2008.

Всю войну 232 Алтайскую стрелковую дивизию бросали на самые тяжелые участки. После войны дивизию расформировали. Ее боевые знамена передали в Центральный музей Советской Армии.

За проявленный массовый героизм в боях с фашистскими захватчиками, в том числе и на Украине, дивизия была награждена четырьмя орденами: Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого.

И где бы ни сражались ее воины, всюду проявляли высокие образцы отваги и мужества, не щадили своей жизни во имя свободы Родины.

За годы войны только в одной этой дивизии высшего воинского звания — Героя Советского Союза были удостоены 33 воина — рядовые и командиры! Многим это высокое звание было присвоено посмертно. Среди них — и юные воины, повторившие подвиг Александра Матросова, закрыв амбразуру вражеского дзота собственным телом; и те, кто бросался под фашистские танки со связками гранат; и те, кто подрывался гранатой, подпустив к себе побольше врагов. Подвиги эти совершали воины разных национальностей.

Села Краснополье, Думовка и Самотоевка Сумской области — крайний южный рубеж Курской дуги. Здесь у деревни Волковка (ныне ее нет), при взятии безымянной высоты под номером 199, за которую сибирские воины самоотверженно сражались два дня, выбивая с нее врага, чтобы обеспечить продвижение наших сил, восемнадцатилетний старший сержант Алексей Калинин повторил подвиг Александра Матросова. Он закрыл грудью амбразуру вражеского пулемета, что обеспечило наступление головного 498 стрелкового полка под командованием И. М. Огнева, которому впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза. Одиннадцать атак предпринимал неприятель, чтобы вернуть высоту, но сибиряки героически отбили их, потеряв более тысячи своих однополчан. На ее вершине установлен монумент Славы 498 стрелковому полку, сражавшемуся за нее.

...Юный красноармеец этого полка украинец Иван Вдовытченко встал грудью со связками гранат на пути головного фашистского танка, остановив тем самым продвижение вражеских танков и дав возможность нашим воинам выиграть время и завязавшийся бой. Оба, А. Н. Калинин и И. Г. Вдовытченко, удостоены звания Героя Советского Союза (посмертно).

На окраине деревни Самотоевка, там, где героически, ценой собственной жизни, юный украинец Ваня Вдовытченко остановил фашистский танк, был установлен гранитный памятник с надписью: *«Тут похований Герой Родзянського Союзу Вдовытченко І. Г. 1925 — 1943»*.

На месте павшего смертью храбрых скромного сибирского паренька Алеши Калинина был установлен обелиск. Надпись на нем гласит: *«Товарищ, остановись, поклонись этому священному месту... Здесь в августе 1943 года повторил подвиг Александра Матросова старший сержант 232 стрелковой дивизии Калинин Алексей Николаевич. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза»*.

На родине Алексея Калинина, в селе Новозыряновка (Алтайский край), школа, в которой он учился, носит его имя. Установлен здесь и памятник герою. В городе Горно-Алтайске, в Республиканской школе-интернате № 1 отряды борются за право носить имя того или иного Героя Советского Союза из 232 стрелковой дивизии. Носят школьные отряды и имена двух юных героев — Алексея Калинина и Ивана Вдовытченко.

Многие воины дивизии были награждены боевыми орденами и медалями: орденами Отечественной войны всех степеней, Красного Знамени, Красной Звезды; медалями «За боевые заслуги!», «За отвагу!», «За Победу над Германией» и другими; Почетными грамотами Главнокомандующего И. В. Сталина.

На всем протяжении боевого пути 232 Алтайской стрелковой дивизии в память о героизме ее воинов установлены монументы и памятники; обелиски на братских могилах: в Воронеже, на Курско-Орловской дуге, на украинской земле (на Полтавщине, в городе Сумы — монумент Вечной Славы), на границе с Румынией.

«СИБИРЯКИ ИДУТ!..» БИТВА ЗА ВОРОНЕЖ

Особое значение на всем нелегком героическом боевом пути Сумско-Киевской Алтайской орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232 стрелковой дивизии имеет Воронеж. В битве за этот город на Дону дивизия приняла свое боевое крещение. 25 января 1942 года алтайские воины пошли в наступление от Воронежа на село Кочетовку Воронежской области. Этот день считается Днем дивизии.

Жесточайшая битва за этот город в июле 1942 года длилась более двухсот дней и ночей, и по своей напряженности, значимости и длительности сродни Сталинградской, положившей перелом всего хода Великой Отечественной войны. Двенадцать тысяч сибирских воинов только с Горного Алтая, героически сражаясь за Воронеж, сложили здесь свои головы, увековечив себя в обелисках и мемориальных плитах на братских могилах, но многие из них до сих пор считаются без вести пропавшими, как и мои дяди.

Дивизия отважно встала на главном направлении удара отборной 4-й танковой армии рвавшегося к Москве и Сталинграду неприятеля. Воронеж фашисты хотели взять сходу. Против во много раз превосходящей в живой силе и техническом вооружении, хорошо обученной, имеющей большой опыт военных действий фашистской армии геройски сражались совсем юные 18—19-летние алтайские юноши и девушки, наспех обученные, не опытные, без огневого и артиллерийского прикрытия, но полные решимости и отваги защищать Родину до последней капли крови, не щадя своей жизни.

Золотыми буквами вписана в историю фронтового пути 232 стрелковой дивизии героическая битва за Воронеж. Как выше уже говорилось, под Воронежем дивизия первой приняла на себя удар во много раз превосходящих сил противника и мужественно выстояла в этом сражении, сыгравшем исключительную роль в оборонительных операциях летом 1942 года.

232 стрелковая дивизия одна вступила в смертельную схватку с семью немецкими дивизиями, намного превосходящими в живой силе и военной технике (три танковые и четыре механизированные фашистские дивизии, усиленные авиацией и артиллерией). «Необстрелянная, недостаточно обученная, без огневого и артиллерийского прикрытия дивизия оказалась на главном направлении удара 4-й танковой армии противника, но сдержала врага до подхода основных сил.

Противник поставил перед собой задачу одним ударом сломить на этом направлении сопротивление советских войск, форсировать Дон, занять Воронеж и, повернув на юг, создать угрозу окружения войск юго-западного фронта. Немцы рвались к Сталинграду, к Волге. Битва за Воронеж — это правое плечо Сталинградской битвы. С захватом Воронежа немцы обеспечили бы себе тыл. И чтобы затруднить им дорогу на восток, солдаты, командиры 232 стрелковой дивизии насмерть стояли на берегу Дона, у стен Воронежа и с честью выдержали боевое крещение. Бойцы 232 стрелковой дивизии с танками воевали противотанковыми ружьями и бутылками с зажигательной жидкостью. Если где через наши позиции проходили танки, там не было уже в живых ни бойцов, ни командиров. В таких сложных условиях перед дивизией стояла задача — остановить врага и перейти в контрнаступление. 2 июля 1942 года бойцы

232 стрелковой дивизии поклялись, что не отступят, не сдадут ни одной пяди земли...», — пишет в своей книге Е. И. Мордвинова. И клятву сдержали!

В битве за Воронеж только за пять дней сражений дивизией было уничтожено 63 танка, 120 бронемашин неприятеля, 13 тысяч гитлеровцев.

Воины сражались под командованием таких отважных военачальников, как командир дивизии генерал-майор И. И. Улитин, приобретший боевой опыт в войне с белофиннами, прошедший во главе дивизии от Бийска до украинского города Фастова, где был тяжело ранен, лечился в московском госпитале, после вернулся на военную службу; комиссар дивизии полковник Ф. Я. Никифоров; командиры полков, Герои Советского Союза И. М. Огнев, А. И. Панков, Г. С. Васильев, П. А. Зворыгин, Д. А. Штельмах.

Дивизия держала оборону вместо положенных по военному времени двенадцати километров — восемьдесят, героически отбивая непрерывные атаки фашистских полчищ. «Земля горела, вода в Дону, смешанная с кровью и грязью, кипела, бурлила, а эти безусые мальчишки, почти безоружные, дрались и еще наводили ужас на гитлеровцев. «Сибиряки идут!», — произносили шепотом... Одно слово «сибиряки» на немцев наводило ужас».

212 дней и ночей длилось сражение за Воронеж. Только за три самых тяжелых дня боев, с 3 по 7 июля 1942 года, погибло 5500 алтайских воинов.

Ежедневно полчища вражеских самолетов вылетали бомбить город. От их количества в небе становилось темно. Город был почти полностью разрушен — на 97 процентов. Беспримерно дрались сибиряки за каждую пядь воронежской земли. Села на подступах к Воронежу за сутки переходили из рук в руки по 8-10 раз! Кромешный ад!, но сибиряки стойко держались до последнего, не щадя своей жизни, и одолели врага. Не только в самом Воронеже, но и во многих селах Воронежской области, за которые отважно сражались алтайцы, установлены им памятники. Почти в каждом селе — братские могилы.

В ожесточенной битве 498 стрелкового полка за село Малышево героически погиб комбат П. И. Зайцев, гранатой остановивший надвигающийся на его пулемет вражеский танк, — посмертно награжден орденом Красного Знамени. У села Губарево, где сибирякам приходилось в жестоких схватках с неприятелем отбивать по 5—9 атак, смертью храбрых пал меткий стрелок — алтаец Яков Торбогошев, в одиночку до последнего патрона сражавшийся с наступающим противником.

Окоп с останками Якова и его солдатским медальоном много лет спустя нашли красные следопыты Губаревской школы. Захоронены останки Якова Ядышевича Торбогошева в общей могиле с его павшими однополчанами. Имя его увековечено на гранитной плите. Этот скорбный и героический список можно продолжать очень долго. За памятниками и братскими могилами сельчане бережно ухаживают и добрым словом поминают защитников-сибиряков.

Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, командующий Воронежским фронтом, впоследствии вспоминал: «Это была свежая сибирская дивизия. Многие ее бойцы и командиры — восемнадцати-девятнадцатилетние юноши, не имеющие боевого опыта, но воинская дисциплина, моральное состояние крепкие. 232 стрелковая дивизия первая остановила врага, спешившего ворваться в Воронеж».

В дивизии было 590 девушек, более девяноста из них — с Горного Алтая. Многие пошли воевать добровольно. Только под Воронежем они оказали помощь 50-ти тысячам рядовых красноармейцев и офицеров, рискуя собственной жизнью. «Сестрички» вернули в строй пятнадцать тысяч воинов. Нередко они и сами с оружием в руках вступали в бой с неприятелем, как например, доброволец из горного села Теньга Агния Хворова. В бою на Дону, за город Воронеж, ей вмиг пришлось сменить са-

нитарную сумку на пулемет, отбить обступивших врагов и спасти раненых советских воинов. Агния проявила беспримерную храбрость и на чужой земле, подняв в атаку роту вместо убитого командира. Агния Александровна была награждена многими боевыми наградами. После войны она жила в г. Барнауле, вела большую героико-патриотическую работу в школе № 80.

Алтайская поисковая группа «Поиск-232» побывала в гостях у А. А. Хворовой. Записаны ее фронтовые воспоминания, которые сегодня активно используются в военно-патриотической работе музея Боевой Славы им. Г. К. Жукова при Республиканской школе-интернате № 1.

Беспримерный подвиг совершил доброволец Николай Клименко. В бою вместе со взводом он успешно отбивал атаки противника, ряды бойцов редели. Лейтенант остался со связным, которого потом отправил в штаб с донесением. Немцы начали окружать Клименко, чтобы взять его живым. Подождя, пока большая группа немцев подойдет близко, бросил гранату себе под ноги. Николай погиб, но вместе с ним погибло и много врагов.

Беспримерен подвиг и восемнадцатилетней алтайской девушки Шуры Сакыловой, родом из небольшого в то время горного села Чепош, стоящего на берегу Катуня (кстати, с. Чепош — это родовые корни моего отца и его погибшего на фронте брата Василия — авт.). «...Шура с тяжело ранеными бойцами была окружена немцами. На их крики: «Сдавайся!», Она ответила: «Красноармейцы не сдаются!» и, схватив автомат, начала отстреливаться. «Когда бойцы освободили это местечко. Шура лежала с пробитой грудью. Кровь выступила на полушубке,— пишет Е. И. Мордвинова о подробностях этого подвига, о котором ей рассказали бывшие однополчане Шуры, видевшие все это собственными глазами.— Рядом лежали 5 фашистских солдат и офицеров. Видимо, Шуру хотели взять живой. Но эта скромная девушка имела сердце настоящего воина...»

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Шуры Сакыловой (посмертно) орденом Отечественной войны II степени был напечатан в красноармейской газете «Отважный боец» (№ 5, 1943 г.). Орден вручили матери Шуры.

Подобных примеров героизма можно привести множество, не случайно ветераны особо подчеркивают тот факт, что его проявление воинами их дивизии, солдатами и офицерами, носило массовый характер.

В Воронеже, как уже говорилось выше, воинам 232 стрелковой дивизии установлен памятник. У его подножия всегда — живые цветы.

ТУЛА-АЛТАЙ: СВЯЗАНЫ МУЖЕСТВОМ

...Минувшим летом, будучи на своей малой родине, в Горном Алтае, лично познакомилась с Е.И. Мордвиновой. По приглашению Евдокии Ивановны, я побывала в их музее, встретила с педагогами и воспитанниками интерната, вот уже не в одном поколении занимающимися серьезной поисковой деятельностью, собирая материал о героическом боевом пути этой дивизии, ее бойцах и командирах. Юные поисковики («Поиск» — 232»), большей частью кадеты этого интерната, познакомили меня с богатейшим музейным материалом, провели по залам и экспозициям.

В свою очередь, и я не осталась в долгу: рассказала ребятам и их педагогам о нашем тульском герое Великой Отечественной войны полковнике С. Ф. Кутепове, командире 388 стрелкового полка 172 Тульской стрелковой дивизии, стойко оборонявшей 26 дней белорусский город Могилев в июле 1941 года. Фронтовые героические судьбы этих двух стрелковых дивизий, алтайской и тульской, во многом похожи. Воины 388 стрелкового полка под командованием С. Ф. Кутепова тоже сражались с врагом отважно и самоотверженно, не щадя собственной жизни. Они впервые с нача-

ла войны в один день, 14 июля сорок первого, подбили 39 фашистских танков, развеяв миф о непобедимости фашистских полчищ. Мужественный комполка Кутепов послужил прототипом генерала Серпилина в трилогии о войне писателя-фронтовика К. М. Симонова «Живые и мертвые». Познакомила их и со своей книгой «Солдат войны полковник Кутепов», повествующей о С. Ф. Кутеполе и о воинах его полка.

Рассказала моим юным землякам и о героической битве за Москву в декабре 1941 года, и о тульских студентах-добровольцах, ушедших на фронт из стен Тульского механического института (ныне Тульского госуниверситета), имея бронь от призыва в армию. Познакомила земляков со своей книгой «Доброволец Иван Орлов. Дневник боевых дней: 1941—1945 годы», рассказывающей об этом. С большим интересом и вниманием слушали меня учащиеся, рассматривали мои книги, написанные о Великой Отечественной войне. Повышенный интерес у нас был друг к другу обоюдный. И не только потому что, как говорится, мы смотрим в одну сторону: воспитанники интерната много лет занимаются поисковой работой, разыскивая своих земляков-фронтовиков, и в моем творчестве военно-патриотическая тема, как и тема малой родины, занимают особое место.

Горячий мой интерес к 232 Алтайской стрелковой дивизии был вызван еще и вот чем: как я обнаружила, сопоставив факты, один из четверых родных моих дядей-сибиряков, не вернувшихся с фронта, Павел Леонтьев, воевал в этой стрелковой дивизии. В информации ЦАМО (Центральный архив министерства обороны РФ), выложенной в Интернете, о Павле говорится следующее: «Леонтьев Павел Григорьевич, род. 1923, Алтайский край, Ойротская АО. Русский. Место призыва — Онгудайский РВК, Ойротская АО. Последнее место службы — 232 с.д. Воинское звание — сержант. Причина выбытия — умер от ран. Дата выбытия 07.04.1943». Ему было всего двадцать лет. Он был самым младшим из трех погибших маминых братьев Леонтьевых. Накануне войны женился. Жена Зоя осталась беременной. Всю войну она работала на тракторе. Родившегося сына он так и не увидел. Самому старшему, Сидору, многодетному отцу, имевшему шестерых малолетних детей, было тридцать пять; среднему, Дмитрию, — двадцать шесть. Они, как и брат моего отца, Василий Егусков, которому было двадцать четыре года, считаются без вести пропавшими. В общей сложности у них безотцовщиной остались десять малолетних детей, а их жены — на всю жизнь верными солдатскими вдовами, так больше и не выходявшими замуж.

Согласно той же скупой интернетовской информации ЦАМО, даты гибели остальных троих моих дядей — март, август и сентябрь 1942 года — все в один год и почти в одно время. К сожалению, не указано, в каких дивизиях они служили и где конкретно пропали без вести. Побывав в Горно-Алтайске, в музее Боевой Славы, посвященном 232 стрелковой дивизии, узнав о ее боевом пути, о том, как героически сражались сибиряки на всех фронтах, участвуя во всех решающих битвах, могу предположить, что и они участвовали в важнейших военных операциях и погибли где-то в Центральной России, но это всего лишь мое предположение, не имеющее, к сожалению, документальных подтверждений. В эти сроки театр военных действий разворачивался на весьма обширной территории бывшего СССР, и везде в кровавых ожесточенных битвах с врагом героически сражались и сибиряки. И где-то среди этих, храбро воюющих, были мои дяди. Я уверена, что и они дрались храбро — это были честные, мужественные люди, — так о них говорили и родня, и односельчане.

...И вот что еще хотелось бы особо отметить в славном героическом боевом пути 232 Алтайской стрелковой дивизии. В 1942 году было второе ее формирование после огромных потерь в 1941 году, но боевое знамя было спасено. И дивизию сформировали вновь. Она не случайно называлась Алтайской, потому что формировалась в 1942 году, в городе Бийске из жителей горных и предгорных районов Алтая, включая мобилизованных и добровольцев, которых было очень много, из отдаленных горных

селений — русских, алтайцев и представителей других национальностей. Сибиряки, жившие, в основном, охотничьим промыслом — меткие стрелки: белку в глаз бьют (наверное, в том числе и по этой причине, они, большей частью, и входили в состав стрелковых полков и дивизий). Смелы и ловки — на медведя с рогатиной ходят; привычны к лютым сибирским морозам, к неустроенности быта. Закаленные, стойкие и физически, и морально. Жизнь их никогда не баловала. Вот такие, таежные охотники, мирные скотоводы и землепашцы, плечом к плечу с новобранцами разных других профессий и национальностей со всего бывшего СССР, с крестьянскими парнями и рабочими становились на фронте бесстрашными и умелыми воинами, беспощадно громившими врага в жесточайших сражениях наравне с кадровыми военными.

Вот и трое моих дядей Леонтьевых были призваны на фронт из высокогорного алтайского села Инегень, Онгудайского района. Кстати, уникальное, просто дивное по красоте, природное место, где ныне создан единственный в России музей снежного барса, обитающего в недоступных высокогорных отрогах. И все трое были отличными охотниками, меткими стрелками, на войну ушли в один день. Возможно, и попали все в одну, 232 стрелковую дивизию. Только брат отца Василий Егуев был призван из г. Горно-Алтайска, где жил с женой и маленькой дочкой, и где ныне его имя увековечено на обелиске у Вечного огня, в Парке Победы. На фронте он тоже был стрелком, уверена, метким стрелком, ведь родился и вырос Василий Алексеевич тоже в горном селе Чеповш и уже с детства ходил со взрослыми в тайгу и горы на охоту.

ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ:

«ЭТО НУЖНО НЕ МЕРТВЫМ.

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ!..»

История героической Сумско-Киевской Алтайской орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232 стрелковой дивизии неразрывно связана с музеем Боевой Славы имени Г. К. Жукова, созданном при Республиканской школе-интернате № 1 и вот уже более сорока лет возглавляемом Е. И. Мордвиновой, обладающей огромным педагогическим и жизненным опытом, неутомимым человеком-энтузиастом, подвижником, о чем выше уже упоминалось. Более полувека плодотворно работает она в этой школе. Под ее руководством воспитанники школы-интерната, прежде всего, кадеты, много лет ведут поисковую работу, изучая историю боевого пути дивизии, разыскивают ее бойцов, рассказывают о их славных подвигах. Цель поиска — восстановить в народной памяти имена защитников Родины и их бессмертные подвиги.

Кстати, отец Евдокии Ивановны, Иван Алексеевич Бабушкин, тоже воевал в составе этой дивизии, был рядовым ПТРовцем (ПТР — противотанковое ружье) 498 легендарного стрелкового полка; прошел боевой путь от Воронежа до Киева, в битве за который был тяжело ранен.

Книга Е. И. Мордвиновой «Дорогой славы земляков», рассказывающая о героическом фронтовом пути дивизии и ее воинов, также хранится в школьном музее и доступна учащейся молодежи.

Не случайно вся поисковая деятельность, как и работа музея Боевой Славы им. Г. К. Жукова, посвященного 232 Алтайской стрелковой дивизии, проходят под девизом «Никто не забыт! Ничто не забыто!» Не забыто, чтобы войны не повторилось никогда.

— Не одно поколение детей нашей школы-интерната воспиталось на примерах бойцов прославленной Алтайской дивизии. Военно-патриотическое воспитание дает возможность ярче показать мужество и отвагу защитников Родины в годы войны, их беспримерную преданность Отечеству, что должно стать примером для молодого поколения», — сказала автору этих строк Е. И. Мордвинова.

Время неумолимо. Все меньше и меньше остается фронтовиков Второй мировой. Тем ценнее все, что передали они — непосредственные участники тех кровопролитных боев в своих воспоминаниях о войне. Тем ценнее вот такая поисковая работа, проводимая следопытами в разных уголках России, в том числе и в Республике Алтай. На воронежской земле юные поисковики тоже много лет собирают материал о 232 Алтайской стрелковой дивизии, героически сражавшейся на их земле. Они поддерживают тесные многолетние связи с алтайскими поисковиками, которые бывали у воронежцев и в гостях. Во главе с Е. И. Мордвиновой отряд «Поиск-232» прошел по боевому пути дивизии от Бийска до самой границы с Румынией. Юные поисковики встречались со многими ветеранами дивизии, которые на местах бывших боев рассказывали, какой ценой они добывали в жестоких кровопролитных сражениях победу.

Как ценны сейчас, когда фронтовая история самой кровопролитной за все время существования человечества войны искажается и переписывается в угоду чьим-то амбициозным политическим интересам, эти фронтовые воспоминания самих участников сражений, сохраненные и донесенные до нас в записях благодаря энтузиастам-поисковикам. И, слава Богу, сегодня на российской земле таких людей немало. Поисковики во всех регионах нашей страны возвращают из небытия имена безымянных солдат, записывают фронтовые воспоминания тех участников боев, кто еще остался в живых, чтобы время не стерло в памяти потомков те тяжелые и героические дни, чтобы ангажированные историки не внесли в них свои выдуманные тенденциозные правки, переписывая военную историю заново, под себя, на свой взгляд и лад, как происходит это ныне в Киеве. Кто бы мог подумать, что такое может случиться на Украине, в том же Киеве, за освобождение которого от фашистских оккупантов погибло столько советских воинов, в том числе и с алтайской земли! Разве мог хотя бы на миг предположить кто-то из тех павших, кто не щадя своей жизни, отбивал бесчисленные атаки превосходящего по силе противника, кто бросался со связками под гусеницы немецких танков или закрывал своей грудью амбразуру вражеского пулемета, что такое вообще может произойти! Что будут осквернены и снесены памятники воинам-победителям, которых вместо освободителей называть станут оккупантами и вообще запретят сам праздник Великой Победы?! А национальным героем провозгласят Бандеру, на чьей совести тысячи замученных и невинно убиенных, в том числе женщин, стариков и детей, а по улицам города-героя Киева, стоявшего у истоков российского государства — Киевской Руси, станут маршировать молодчики с фашистской свастикой, с человеконенавистническими идеями и планами в мозгах, считающих Россию своим заклятым врагом?!

Вот почему так важно сегодня, чтобы девиз «Никто не забыт! Ничто не забыто!» стал поистине действенным, воплощаемым в жизни, в деле патриотического воспитания молодежи, способствуя выработке у нее верных нравственных ориентиров, как делается это на базе вышеупомянутого музея Боевой Славы им. Г. К. Жукова в Республиканской школе-интернате № 1, в Горно-Алтайске.

На всю жизнь оставили славный след в сердцах юных поисковиков встречи с ветеранами дивизии, в том числе и с Героями Советского Союза, которые многие им рассказали и показали, как бы оживили беспримерный подвиг земляков. Он приобрел зримые, реальные черты, что не могло эмоционально не подействовать на ребят. Рассказы буквально их потрясли и навсегда запечатлелись в памяти. *«За годы учебы в школе-интернате мы многое сделали по розыску воинов 232 стрелковой дивизии. Уходя из школы, мы хотим, чтобы эта работа продолжалась, чтобы продолжали искать новые имена, узнавать новые подвиги бойцов 232 стрелковой дивизии при защите нашей священной Родины... Это нужно для того, чтобы дети учились любить и защищать Родину, как защищали и любили ее наши деды и отцы, чтобы помнил мир спасенный их имена, имена героев — защитников Родины».*

«...Самый главный результат нашего поиска в том, что у нас растет чувство гордости за свой край, люди которого высоко подняли честь не только своей алтайской земли, но и всей нашей страны, отстояли светлое будущее людей на земле. Мы хотим видеть свой Зал Боевой Славы 232 стрелковой дивизии, как центр героико-патриотической работы с детьми, работающими под девизом «Никто не забыт! Ничто не забыто!»», — пишут бывшие воспитанники школы-интерната в музейных альбомах и на страницах мордвиновской книги.

— Благодаря нашему музею Боевой Славы каждый из нас может соприкоснуться с военной историей, с подвигом земляков в годы Великой Отечественной войны. Мы должны знать и помнить наших героев и равняться на них — так появляются в жизни верные нравственные ориентиры. Мы многое узнали о том, где и как сражались наши земляки; о героизме воинов 232 Алтайской стрелковой дивизии и гордимся их подвигом, — поделились своими мнениями сегодняшние поисковики, девятиклассники-кадеты школы-интерната, Евгений Какышев, Константин Килин и Алиса Бедарева.

Вот и я благодарна поисковикам, которые помогли и мне узнать хотя бы об одном из четверых моих погибших дядей. Пусть не конкретно о нем, но о дивизии, в которой он служил, о его однополчанах, а это многого стоит. Ведь все мое детство, вместе со всеми взрослыми, прошло в надежде хоть что-то узнать о наших сгинувших фронтовиках, в ожидании их возвращения, так и не состоявшегося...

И мне хотелось бы, чтобы как можно больше людей узнали об этой героической, 232 Алтайской стрелковой дивизии, об уникальном музее Боевой Славы, ей посвященном, о юных алтайских поисковиках, а потому рассказала обо всем этом организаторам международного проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», посвященном 70-летию Великой Отечественной войны, инициаторами которого выступают туляки совместно с москвичами (МГУ). В рамках этого проекта выходит солидное издание — конкурсные эссе о войне, где будет опубликован и мой материал о 232 Алтайской стрелковой дивизии; 5 мая в Туле пройдет международная конференция. Автор этих строк поспособствовала, чтобы участниками этой конференции стали и алтайские поисковики, которые сами и расскажут о героическом боевом пути 232 Алтайской стрелковой дивизии, о своей поисковой работе и о деятельности музея Боевой Славы. Знать об этом будет интересно и полезно всем.

Примеч. авт.: когда уже верстался этот номер, совершенно случайно из новых, выложенных в Интернете документов ЦАМО к 70-летию Победы в ВОВ, в частности, на сайте, «Подвиг народа» я нашла, — столько-то лет спустя с того дня, когда все четверо моих дядей считались пропавшими без вести!, но надежда хоть что-то узнать о них все-таки теплилась, — я нашла в наградных листах информацию об одном из них, самом младшем из трех братьев Леонтьевых — Леонтьеве Павле Григорьевиче, 1923 года рождения. Как выяснилось из этих и других документов, Павел как раз служил в этой, 232-й Алтайской стрелковой дивизии. В ее составе он вместе с другими воинами из высокогорных районов Горного Алтая прибыл из г. Бийска, где проходило второе формирование этой дивизии, на место главного, первого, ее сражения — защищать город Воронеж и уже с 4 июля 1942 года участвовал в жестоких сражениях, длившихся более двухсот дней и ночей.

Будучи сержантом-артиллеристом, командиром орудия в легендарном 605 стрелковом полку 232 стр. див., Павел совершил на Воронежской земле подвиг в кровавых битвах, унесших многих сибирских воинов и был награжден медалью «За Отвагу!». Вот как гласит об этом документ — наградной лист, дающий «краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг»: «В районе дер. Губарево Семилукского района Воронежской области в боях с немецкими оккупантами он из своего орудия уничтожил: 1 ДЗОТ, 2 пулеметных точки и разбита одна немецкая кухня с прислугой».

Погиб Павел, вернее умер от ран в 238 отделении медсанбата 232 стр. дивизии в 1943 году, на Курской дуге. Было ему всего-то неполных 20 лет.

Захоронен, как свидетельствуют документы, в Братской могиле, в с. Демидовка Краснояружского р-на Белгородской области (западная сторона кладбища).

Ухаживает за могилой администрация Графовского сельского поселения.

Сергей Одинокоев
(г. Тула)

ЖИВИТЕ В НАШЕЙ ПАМЯТИ, РОДНЫЕ!

Выпускник Тульского областного колледжа культуры и искусства и филологического факультета ТГПУ им. Л. Н. Толстого, аспирант; артист Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы, публиковался в журналах «Рюкзачок знаний» (2007 г.) и «Приокские зори» (2011 г., № 3; 2014 г., № 3), сборниках «Вечный огонь памяти» (2010 г.) и «В поисках жанра» (2011 г.), альманахах «День тульской поэзии» (2013 г.), «НЛО» (2013 г.) и «Ковчег» (2012—2014 гг.).

*70-летию Великой Победы
и дорогим родственникам посвящается*

Великая Отечественная война... Можно с уверенностью сказать, что нет ни одной семьи в нашей стране, которой бы не коснулось это страшное событие. Война, унесшая жизни более чем 27 миллионов человек, оставившая за собой сотни тысяч разрушенных городов, сел и деревень,— что может быть ужасней? По сей день люди находят в земле останки погибших солдат, осколки мин и снарядов, неразорвавшиеся гранаты, части артиллерийских орудий... Эхо тех великих событий не смолкнет никогда, а подвиги наших дедов и прадедов будут служить нам образцом преданности Родине, верности данному слову и любви к гражданам родной страны. Помня о подвигах и потерях наших родных, мы сохраняем с ними душевную связь, что помогает нам выстоять перед новыми опасностями.

Великая Отечественная война оставила свой след и в истории моей семьи. Кто-то из моих родственников погиб на фронте, сражаясь с врагом; кто-то прошел всю войну, а кто-то трудился в тылу. Те, кто остался жив, рассказывают о войне с ужасом, но их воспоминания не лишены радости: ведь тогда они были молоды, учились, работали, влюблялись и продолжали жить, несмотря ни на что. О том, как жили мои родственники во время Великой Отечественной войны, мне рассказали мои бабушки, **Тамара Дмитриевна Одинокоева** (в девичестве — **Дородных**, 1939—2010) и **Александра Ивановна Круговых** (в девичестве — **Кутьина**, 1930—2010). Благодаря их воспоминаниям я узнал о том, кем были мои прадедушки и прабабушки, как они жили в военные годы и чем занимались в мирное время.

Одинокоев Василий Иванович (1902—1945) — прадед по папиной линии, отец моего дедушки, **Вячеслава Васильевича**. Работал на Тульском патронном заводе слесарем-лекальщиком высокой квалификации.

В 1941 году, по решению Государственного Комитета Обороны, началась эвакуация оборудования и основных кадров рабочих и специалистов за Урал, где в короткие сроки было организовано производство оборонной продукции. Часть завода осталась в Туле, а мой прадедушка был эвакуирован вместе со многими специалистами

Василий Иванович Одинокоев (1902—1945)

Ксения Яковлевна Одинокоева (1904—1974)

в Сибирь. Там он, не покладая рук, работал над производством продукции для фронта. После того, как стало известно о победе наших войск над фашистами, мой прадедушка вернулся вместе с предприятием в Тулу. Весь город и вся страна были счастливы. Незнакомые люди, встречаясь на улице, бросались друг другу в объятия. Родовалась и моя семья: наступила долгожданная победа! Все наконец-то вернулись домой, теперь впереди — долгая жизнь, полная радости и любви... Но вскоре произошло несчастье: Василий Иванович умер. На состоянии его здоровья сильно сказался напряженный рабочий день. Таким образом, Василий Иванович скончался в Туле вскоре после Дня Победы в 1945 г. После его смерти воспитанием детей (их было трое: Тамара, Вячеслав и Зинаида) занималась его супруга — **Одинокоева Ксения Яковлевна** (1904—1974), в девичестве — **Свиридова**.

Кузьмин Иван Филиппович (1904—1941, *портрет не сохранился*) — прадед по маминей линии, отец моей бабушки, **Александры Ивановны**. Родители: **Филипп, Клавдия Прокофьевна**. До войны работал лесником. По словам бабушки, это была адская работа: приходилось выходить в лес в любую погоду и следить за его сохранностью. Со своей семьей Иван Филиппович проживал в Липецкой области, вблизи города Задонск, в селе *Тюнино*. Участвовал в Финской кампании (1939—1940). Во время Великой Отечественной войны был призван на фронт в г. Мичуринск, 30 августа 1941 г. Затем его вместе с остальными призывниками переслали на оборону Москвы. Служил минометчиком. Погиб в битве под Москвой в ноябре 1941 г. У него осталось трое маленьких детей, старшей из них была моя бабушка, Александра Ивановна. Она также рассказала мне, что все, кто был призван на фронт в 1941-м из Задонска и из Тюнина, не вернулись обратно.

Немцы не проникли ни в город, ни в село, — бои шли вокруг, поэтому всех раненых свозили именно сюда для оказания помощи. В селе Тюнино госпиталь образовали прямо в школе. Тех, кто умирал, хоронили прямо в лесу, в братских могилах, сохранившихся до сих пор.

О последних минутах жизни Ивана Филипповича его жена, Анна Николаевна (1907—1996), узнала случайно от чудом выжившего солдата из Задонска, Кузьмы Коровкина. Всего израненного бойца сначала привезли в госпиталь, а затем выписали домой. Он сообщил своим домашним о том, что у него есть новость о муже для Анны Николаевны. Те разыскали ее и пригласили в дом. Когда Анна Николаевна

пришла к ним и увидела раненого, то ужаснулась: перед ней лежал растерзанный человек, обреченный на смерть. Кузьма сообщил ей, что во время боя его ранило, и он упал, а Иван Филиппович, находясь рядом с ним, сказал: «Ну, брат, повезло тебе: может, в госпиталь заберут, жив останешься. А меня, наверно, убьют...» Затем он схватил миномет и скрылся в дыму. Это все, что смогла узнать Анна Николаевна о своем супруге. Вскоре Кузьма Коровкин скончался, а домой к Анне Николаевне пришло сообщение, что ее муж пропал без вести, т. к. его тело не удалось найти на поле боя после сражения. До сих пор точно неизвестно, где именно похоронен Иван Филиппович. Скорее всего, его похоронили в братской могиле на месте гибели. Родная сестра Ивана Филипповича — **Мария Филипповна** (1912—1996) была призвана на трудовой фронт для восстановления Сталинграда. После войны она уехала из Задонска в Москву и умерла там в 1996 г.

Вдова Анна Николаевна (справа) с детьми (сверху вниз, слева направо: Нина, Саша и Настя)

Дмитрий Иванович Дородных (1915—1941)

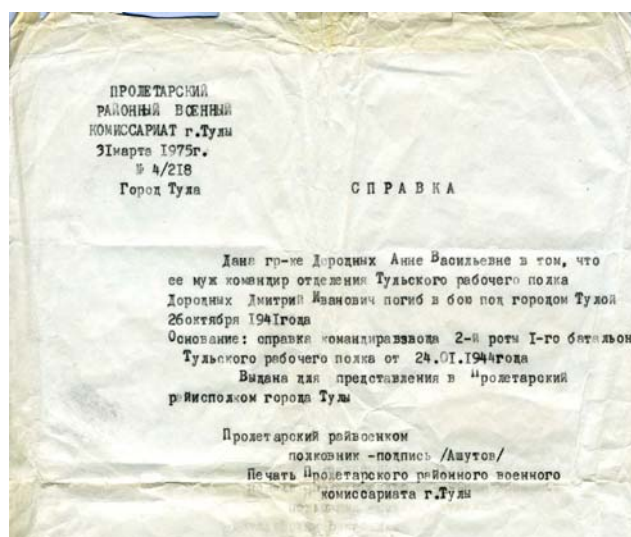
Круговых Федор Николаевич (1907—1993, *портрет не сохранился*) — прадед по маминей линии, отец моего дедушки, **Ивана Федоровича** (1929—2001). Проживал в Липецкой области Волынского района. До войны работал в колхозе, являлся председателем. Призван на фронт в ноябре 1941 г. Бойцом не стал, поскольку не имел одного глаза, носил протез. Выпекал хлеб для солдат. Его пекарня располагалась в 4 км от линии фронта и перемещалась в зависимости от того, где шли бои. Федор Николаевич прошел всю войну, вернулся в 1945 г. из Германии. Умер в 1993 г. Его родители: Николай Денисович, Варвара. Жена — Наталья Федоровна.

Дородных Дмитрий Иванович (1915—1941) — прадед по папиной линии, отец моей бабушки, **Тамары Дмитриевны**. До войны прокладывал трамвайные пути в Туле. Когда к октябрю 1941 г. фашисты, захватив Орел, Мценск, Белев, Калугу и Чернь, приблизились к нашему городу, тульский участок фронта стал важнейшим на подступах к столице. Тула и область были объявлены на военном положении еще в первый день войны, но теперь, когда враг подошел слишком близко, вся подготовка оборонительных мероприятий шла в ускоренном темпе. В городе и в районах нашей области усиленно формировались батальоны, которые после двух-трехдневной подготовки направлялись на фронт; ускорялось строительство оборонительных укреплений, как в самой Туле, так и за ее пределами. Вскоре был сформирован Тульский рабочий полк, в который и вступил ополченцем мой прадедусшка. Он был назначен командиром отделения. Вместе с 156-м полком НКВД Тульский рабочий полк занял оборонительные

рубежи на юго-восточной и юго-западной окраинах Тулы. 26 октября, защищая подступы к городу, мой прадедущка погиб. Домой к Дмитрию Ивановичу пришло извещение о его смерти, над которым горько плакала его супруга — **Анна Васильевна** (1911—1983). На ее руках осталось двое детей: Анатолий и Тамара, которых она вынуждена была воспитывать одна. Тамара Дмитриевна, кроме портретов своих родителей, сохранила также справку о гибели Дмитрия Ивановича (см. фото внизу).

Анна Васильевна Дородных
(1911—1983)

Знать о жизни своих родных необходимо каждому. Сохранить память о героическом подвиге наших предков и передать ее будущим поколениям — задача любого человека, любящего свою Родину, с уважением относящегося к себе и к гражданам своей страны. Необходимо осознавать, какой огромной ценой нам достался тот мир, в котором мы сейчас живем. Подвиги наших дедов и прадедов служат нам примером того, как надо поступать в своей жизни, вызывают у нас стремление не уронить себя в глазах потомков, быть примером для них, и это является гарантией нашей благополучной жизни в будущем.

Яков Шафран
(г. Тула)

ГОД ДВЕ ТЫСЯЧИ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Член Союза писателей и переводчиков при МГО Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член редколлегии и ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег»

2015-й год объявлен Годом литературы. Каким он будет — годом великих свершений или великих наград? — То никому неизвестно, но ироничное сознание все же подсказывает, что наград. А каким оно, сознание, еще может быть в нашей, с ног на голову перевернутой, действительности, когда цена на бензин растет независимо от цены на нефть, то есть, и при падающей, и при растущей, а цены в магазинах никак не привязаны к урожайности, себестоимости и прочим нормальным показателям и тоже, с завидным постоянством, растут. Да и почему бы им не расти, если стремление всех и вся к «наградам» необоримо, будь то немислимая прибыль (а лучше бы сказать: «навар») без какого-либо ограничения и прогрессивной шкалы налогообложения, «золотой парашют» либо прибавка к зарплате, кому это «положено» по статусу, по потребности получателя, которая никогда не знала, да и, наверное, так и не узнает своего предела, ибо в течение трех десятилетий любовь к наживе в любом виде целенаправленно прививалась небезызвестными центрами мировых финансов.

Кстати, насчет свершений и наград. Только начался Год литературы, как пришло «радостное» известие: всероссийскому литературно-художественному и публицистическому ордена Г.Р. Державина журналу «Приокские зори», 10-летний юбилей которого как раз пришелся на 2015-й год, после девяти лет плодотворного сотрудничества отказано в печатании тиража. Таким образом, внесен вклад в Год литературы в России. Рассматривать это в качестве «свершения» или «награды» — судить читателю.

Однако нынешний год все же богат на свершения, правда, былые. Но хоть что-то должно нас радовать в этой жизни, если по нынешним временам, сход со стапелей одной-двух подлодок и удачный запуск ракеты уже — подарок, не в пример середине прошлого века, когда подобное было обыденным явлением.

Итак, что же нас ждет в этом году? Ну, во-первых, это празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Благодаря Победе фактически был сохранен наш многонациональный народ, защищена честь, достоинство и суверенитет нашей страны, победила идея справедливости, солидарности и сострадания, что позволило избавить народы мира от угрозы порабощения нацистами, и многие из них были вдохновлены на национально-освободительное движение против колонизаторов. Какую же цену заплатил за все это наш народ? Это была страшная по своей напряжен-

ности война: активные действия на фронтах в общей сложности составили около 93 % всего времени их существования, наши людские потери, как среди военнослужащих, так и гражданского населения, превысили почти в два раза суммарные потери Германии и ее сателлитов, взятые вместе с потерями наших союзников. Всего 26,6 млн. человек унесла война у нашего народа, из них солдаты и офицеры составляют 8,7 млн. Для сравнения: основная масса погибших у наших союзников (США, Великобритания и Франция) — это военнослужащие, и их в совокупности — только 1/10 часть от наших потерь на фронте.

Сейчас, в дни геноцида киевской хунтой русского и русскоязычного населения Юго-Востока Украины, в дни возвеличивания и героизации самых изуверских нацистов всех времен и народов — бандеровцев, перед зверствами которых меркли преступления гитлеровцев, требуется сказать об их германских учителях тех времен. Уничтожение немецкими нацистами гражданского населения на территории СССР проводилось планомерно и целенаправленно. Еще до появления их незваных полчищ на нашей земле ими были отработаны методики массовых расстрелов, использования печей-крематориев и «душегубок», вплоть до создания целой отрасли промышленности для переработки останков людей, убитых в 14-ти тысячах концлагерей, целенаправленно готовились «специалисты» и идеологически обрабатывались военнослужащие. Достаточно обратиться к «Памятке немецкого солдата»: «...убивай всякого русского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик...». Не слышится ли подобное в речах многих нынешних киевских деятелей, и не напоминает ли это действия «украинской» армии и нацбатальонов в Донбассе? Весьма и весьма напоминает. Но мы также помним то, чем все завершилось тогда, в 1945-м, помним Нюрнбергский процесс, 70-летие которого мы также отмечаем в этом году. Пусть и нацисты — потомки Бандеры и Шухевича, помнят о нем, ибо им аналогичного процесса не миновать!

Таким образом, агрессия гитлеровской Германии была войной на уничтожение наиболее активной и деятельной части русского (имеются в виду и белорусы, и украинцы, независимо от нынешней русофобии части населения Украины) народа и других народов и народностей нашей страны, объединенных общей судьбой с русскими. Немецкие нацисты планировали разложить народ СССР на «племена», со своим глубоко национальным сознанием, определяющим признаком которого являлось бы неприятие всего русского и активная борьба с ним. То есть, превращение таких «племен» в экономических и идеологических рабов, а страны — в колонии Германии и ее союзников.

Народ и страна в Великой Отечественной войне выдержали испытание своих духовных, интеллектуальных, душевных, физических и материальных сил, а армия и флот, по пророческому определению великого русского императора Александра III (10 марта 2015 г. исполняется 170 лет со д.р.) — единственные союзники России, доказали правоту этой мысли. «Все остальные, при первой же возможности, сами ополчатся против нас», — говорил император.

Поэтому трудно и невозможно переоценить значение Великой Победы для нашей страны над самым сильным и грозным военным «кулаком» Запада, из всех когда-либо обрушивавшихся на Россию за все время ее существования.

Победа творилась не только в годы войны, но и всей предыдущей историей России, во все века, с небольшими перерывами, боровшейся за свою независимость, за свою веру и идентичность. И потому будет несправедливо не отметить в этом году таких юбилеев, как князь и полководец Александр Невский (795 лет со времени рождения); Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Донской (665 лет со д.р.); Великий князь всея Руси Иван III, положивший начало объединения русских земель (575 лет

со д.р.); гениальный продолжатель его дела царь Иван IV Грозный (485 лет со д.р.); великие полководцы: А. В. Суворов, сказавший: «Мы русские и потому победим!» (285 лет со д.р.); М. И. Голенищев-Кутузов (270 лет со д.р.) и П. И. Багратион (250 лет со д.р.); великий флотоводец, адмирал, один из создателей Черноморского флота Ф. Ф. Ушаков (270 лет со д.р.).

В 2015 году исполняется также 635 лет Куликовской битвы, победа в которой «закрепила за Москвой значение организатора и идеологического центра воссоединения восточнославянских земель (на стороне Дмитрия Донского активно сражались войска и из Великого княжества Литовского — Брянска, Смоленска, Друцка, Дорогобужа, Новосиля, Тарусы, Оболенска, Полоцка, Стародуба и Трубчевска (см. там же), показав, что путь к их государственно-политическому единству был единственным путем и к их освобождению от чужеземного господства».

Мы победили в сражении, несмотря на неучастие в битве Тверского княжества, несмотря на то, что князья Суздаля и Рязани вместе с частью «литовцев» (князь Ягайло Олгердович) даже выступили со своими дружинами на стороне Мамаю. Кстати, после сражения некоторые рязанцы в отсутствие своего князя, выдвинувшегося с войском на юг, грабили обозы, возвращающиеся в Москву с Куликова поля через Рязанскую землю. А литовцы князя Ягайло добивали беззащитных раненых, когда обозы, в которых их везли домой, отстали от главного войска Донского.

Позже все эти земли, руководимые тогдашними «мазепами» вернулись в русский мир. Это к слову о нынешних, киевских «мазепках».

Светлая память всем выдающимся деятелям в истории нашей Родины, светлая память всем воинам Куликовской битвы, многих других сражений, воинам Великой Отечественной войны, благодаря которым мы живем в своей стране, говорим на русском языке и гордимся тем, что мы — русские.

Понятие русскости шире, чем понятие крови. В Декларация русской идентичности, принятой 11.11.2014 г. на заседании XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России», написано, что «русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа».

Мы горды победами в войнах. Но только ли военные победы определяют правоту Русской цивилизации? Конечно, нет. В противостоянии (упаси Бог, не народов между собой, не людей) миров и их цивилизационных принципов большое значение имеет великая русская и советская классическая литература, которая влияла и с каждым десятилетием все более влияет и на саму зарубежную литературу, и на умы людей, живущих в разных уголках Земли. Поэтому мы можем смело говорить о победе нашей литературы, что имеет особое значение в этот год — Год литературы, совпадающий с 70-летием Великой Победы в Отечественной войне.

В чем же роль русской и советской литературы и в чем ее победа на идеологическом цивилизационном фронте?

Мировое значение нашей литературы определяется лежащим в основе произведений ведущих классиков высоким духом Православия и взращенными на его основе ценностями Святой Руси. Та же основа, сквозь идеологические шоры и соответствующую риторику, прослеживается и у ведущих писателей советской поры. Поэтому русский реализм и оказал такое влияние на прошлую и современную зарубежную литературу. Вначале это проявилось в форме интереса, в той или иной степени подражания, что самими западными исследователями определялось как «русская мода» и «русская лихорадка». Американский критик И. Уайл писал: «Ни одна другая страна

не располагает литературой, которая бы пользовалась среди американских интеллектуалов более высокой репутацией, чем русская и советская литература».

Справедливости ради следует отметить, что одновременно шло и обогащение лучшими достижениями литературы других стран, так как все диалектически взаимосвязано. На это указывал Ф. М. Достоевский: «Всякий народ разовьется на своих началах и принесет от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону...».

Особенность нашего критического реализма еще и в том, что он поднимает на должную духовную высоту и создает сильные художественные образы всего в жизни, стремится во всем найти смыслы и раскрыть их, вносит «...прямоту (...), искренность, удивительную для всех западных стран (...). Это одно из проявлений вашей способности, глубоко окунаясь в море опыта и переживая, самозабвенно и страстно отдаваться поискам правды... Пленяет глубокая и всеобъемлющая терпимость...».

Томас Манн говорит: «Святая русская литература, святая прежде всего в своей человечности».

Русские классики утверждали, что и «маленький человек» может обладать духовным и душевным богатством, значимостью своего внутреннего мира, и тем самым подымали страдающую, в том числе и от недостатка внешней любви, пусть и весьма несовершенную, больную душу над физическим и умственным состоянием человека. Вся классическая литература говорила о необходимости сострадания и духовно-нравственного совершенствования. Ведь в евангелии сказано: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Однако две мировые войны и эта третья, перманентная, которая сейчас идет в мире (Афганистан, Ирак, Югославия, Тунис, Ливия, Сирия, Украина...), и экологический кризис свидетельствуют о том, что человечество далеко от совершенства. Это состояние происходит от постоянного в течение длительного времени разрушения цивилизационных духовных и культурных ценностей. К этому приложили руку и многие, хорошо всем известные, западные философы и писатели — не к Году литературы будут они упомянуты.

Но если говорить не о человечестве все же, а о нашей родной стране, о состоянии нашего современного общества, то нужно отметить, прежде всего, создавшуюся в городах — и более всего в столицах — массу беспочвенных людей, живущих в нереальном мире: у компьютера с мышкой в одной руке и чашкой кофе в другой, под приятными дуновениями офисного или домашнего кондиционера. Это люди, живущие в атмосфере превалирования не чувств, а эмоций, не разума, а фантазий, не ответственности за все происходящее с ними и вокруг них, а — наоборот. При этом они убеждены, что являются центром мироздания, что все существует для них, и все в городе, в стране и мире так должно быть устроено, чтобы только возрастал их комфорт, а вокруг — хоть потоп. А если не устроено так, как им нужно, то подлежит упразднению. Таким людям не нужна разумная эволюция — чтобы это осознать, нужно мыслить другими критериями, не «утробными», — им нужно разрушить все, чтобы создать дающее им все и сразу. Не народу чтобы было лучше, а им, чтобы прямо к клавиатуре доставляли все, в том числе и золотой унитаз. Этот ультралиберальный потребительский рефлекс очень заразителен, и если масса людей, подверженных ему, станет критической, последствия могут быть весьма плачевны.

Поэтому русские классики на протяжении веков, словно прозревая в будущее, говорили о великой ответственности за создаваемую произведениями духовную атмосферу. И их творчество, не в пример многим современным авторам, было и будет свидетельством и укором нынешним «творцам» мировых катаклизмов, цивилизации потребления и всех людей, вовлеченных ими в эти негативные процессы, и путем спасения для многих.

Следует отметить еще две основополагающие особенности великой русской и советской литературы: отношение к народу, как творящему духовные и этические ценности и хранителю их, а также идея, что человек не является личностью, пока не определил свою этическую позицию.

Итак, в чем же состоит победа нашей литературы? Она состоит в деятельном утверждении и колоссальном влиянии на мировую литературу следующих принципов. Это — органическое соединение духовного, этического и эстетического; основополагающее значение этического начала в цивилизации; главнейшая роль вечных христианских представлений о добре и зле; важность чистоты духа и опасность загрязнения духовной атмосферы Земли; безнравственный человек — враг природы и человечества; неприятие отношения к человеку как к «несложному, однозначному существу, способному разрешать встающие перед ним проблемы рациональным путем»; отрицание утверждения о том, что человек становится личностью в той степени, насколько он оторван от окружающих; неодолимость добра в душе человека; твердое убеждение, что зло, как бы мощно оно ни проявлялось, не может одержать конечную победу, ибо оно по своей сути саморазрушительно; отрицание антигуманных теорий об избранничестве, освобождении от нравственности, сострадания и любви и о вседозволенности; бесперспективность атеизма; необходимость духовно-нравственного совершенствования.

В этот год, юбилея Победы, показавшей, что наш народ не покорить и не истребить, кардинально повлиявшей на всю мировую историю и судьбы многих народов мира; в Год литературы, оказавшей неизгладимое воздействие на мировую литературу, культуру и всю цивилизацию, мы задаемся вопросом — не усовестятся ли все же банкиры всех уровней, владельцы сетевых магазинов, торговцы бензином и остальные иже с ними, не умерят ли свои «волчьи» (не хочется обижать благородного зверя) аппетиты, не прекратят ли с помощью не привязанных ни к чему и ни к кому цен истреблять наш народ, на 70 % бедный и на 40 %, находящийся за чертой бедности. Безусловно, это вопрос риторический, ибо мы наперед знаем на него ответ — нет, конечно, не усовестятся, не умерят и не прекратят. Ибо, похоже, они давно забыли, кто они родом, чьими потомками являются и кому всем — и жизнью, и имуществом — обязаны. Но и они должны знать, что если наш народ не удалось победить ни Золотой Орде, ни шведам и тевтонским рыцарям, ни полякам с турками, ни Наполеону с Гитлером, с двенадцатязычными их армиями и «железной» германской машине как таковой, то не победит его и это «нашествие» цен и его творцы. Будем надеяться! Ибо нами, как и всеми победителями в русской истории, как и великой русской литературой, движет Вера, Надежда и Любовь. В отличие от тех, кто своими действиями отрекся от своего народа.

И тому в помощь нам прп. Андрей Рублев, чью 655-летнюю годовщину со д.р. мы отмечаем в этом году, и Троице-Сергиева Лавра, которой исполняется 465 лет.

В настоящее время мощь армии ничего не решает, если утерян суверенитет — тому пример страны Западной Европы. А подлинная независимость определяется тем, чья идеология — как бы она при этом не называлась, хоть и «отсутствием идеологии» — работает на территории страны, что нам со всей ясностью показала современная Украина. Поэтому у России нет более эффективной идеологии, чем ее традиционные ценности и общенациональная культура, придающие стране непобедимую идентичность, и являющиеся ее, поистине, непробиваемой броней. Только к этой защите необходимо относиться гораздо более серьезно, чем это делается в настоящее время.

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

Родился в 1964 году в городе Красноярск-26. Окончил школу в г. Осиповичи, МАИ в 1987 году, литературной деятельностью занимаюсь с 1994 года, с 2004 года — в «Полоцкой Ветви», секретарь секции критики.

ВВЕРХ ПО СВИСЛОЧИ

Стою с велосипедом перед школой в Тальке, отмахиваюсь от комаров, жду своих попутчиков. Еще неделю назад мы договаривались с Н. В. Ильинич, учительницей и руководителем кружка краеведения провести поход вверх по Свислочи: Талька — Теребуты — Орешковичи — Блужский Бор — Болочанка. Наша цель — найти и, по возможности, обследовать археологические памятники, которых, судя по литературе, в этой местности немало. Вообще памятники у нас, как говорят киношники, «уходящая натура». Прочтешь в каком-нибудь «Зборы помнікаў» о чем-то, пойдешь на место и узнаешь: то снесли, это раскопали, там разрушили. Большинство всех «Збораў» и «Археологических карт» уже в значительной мере обесценены, так как не несут достоверной информации.

Светит солнышко, однако день прохладный: уже не первый год природа отыгрывается за теплые зимы летними похолоданиями. Жду-пожду.

Первой появляется учительница с дочкой, за ней по одному — парочка заспанных юных краеведов: вчера была обычная субботняя дискотека, дотанцевались. Выясняется, что больше никого не будет. В путь!

За пыльным, продуваемым ветром переездом сворачиваем направо: где-то там, ближе к берегу Тали, есть курганы. Школьным краеведам все это хорошо известно, они для меня — гиды.

От тальковских курганов остался неприметный холмик на одном из огородов. Едем дальше. На полпути к Теребутам еще одна остановка, еще один курган слева от дороги.

Местность называется зоной отдыха. В лесу то здесь, то там мелькают заборчики детского лагеря. На чистом месте, над старыми, как бы присыпанными пылью хатами деревни Теребуты высится красивый издали корпус какого-то санатория. Сворачиваем направо.

Оказывается, комплекс для отдыхающих построен как раз на площадке городища Теребуты. Все место выровнено бульдозером и засыпано мелким шлаком из котельной. От городища осталась только часть западного вала. Минут 40 тратим в тщетных попытках найти хоть какой-нибудь черепок. «У 80-я гады на прыгожым высокім беразе Свіслачы на гарадзішчы была пабудавана турбаза «Ветразь». Хто будаваў, хто

даваў дазвол на разбурэнне археалагічнага помніка—невукі ці злачынцы? За гэтыя гады некалькі разоў памяняліся гаспадары будыніны, ды ніхто не можа даць ей рады: нерэнтабельнай аказалася гэтая установа. Сення тут лячэбніца для алкаголікаў і наркаманаў. Ці надоуга? А можа, лес гэтага будынка есць нам знак ад продкаў: разбураючы памяць, не створыш нічога вартага, як не пніся»,— Н. В. Ильинич, «Талька і наваколлі».

Вновь возвращаемся на шоссе. Перекатываемся по мосту через Свислочь, здесь уже деревня Орешковичи. На развилке улиц еще одна остановка: здесь живет девочка, активистка краеведческого кружка, надо и ее взять с собой.

Постояли, подождали, а потом — поехали себе восвояси: девочка так затанцевалась на вчерашней дискотеке, что не могла встать. За селом дорога превращается в пыльный проселок. Миновали деревеньку Леоновку. Въехали в лес.

К сожалению, весь наш краеведческий улов на левом берегу Свислочи до сих пор — это одно название лесного урочища — «Купалы». Поскольку зацепиться больше не за что, на ходу обсуждаем с тальковскими краеведами возможные варианты происхождения этого названия. На подъезде к Блужскому Бору согласно «Археологической карте» должна быть курганная группа и городище. Лес становится реже, уже идут небольшие поля, пора спешиваться, пускаться на поиски.

Странно. Памятников нет. Юные краеведы по пояс мокрые от невысохшей росы, обувь облеплена рыхлой и влажной землей. На поле вроде бы растет свекла, но чтобы об этом догадаться, надо хорошо всматриваться, настолько оно заросло сорняками. Мне-то хорошо, я в сапогах.

После небольшого совещания решаем ехать в деревню, спросить у тамошних жителей.

В первом дворе слева от дороги, за высоким забором стучат топоры, лают собаки. За углом забора стоят две иномарки. Плохой признак: это значит, что здесь живут какие-нибудь дачники, которые, конечно же, ничего не знают. Надо бы пойти поискать кого-то еще, да слишком уж призывен шум за высоким забором и слишком безжизнен пейзаж вокруг. А может быть, мы просто устали. Стучим в калитку.

Двор на самом деле принадлежит дачнику, но зато у него работают два мужика из деревни (это они стучали топорами). Выясняется, что курган на поле действительно был, «курган и памятник» (какой еще памятник?), но насыпь разровняли бульдозером по указке колхозного бригадира, «а памятник стоит — вы посмотрите, мы его под дерево перенесли, вы не сомневайтесь, он целый!» Оказывается, во времена колхозного строя наши собеседники были механизаторами и лично боролись за высокие урожаи с исторических полей.

Недалеко от кургана когда-то видели и кольцевой вал в лесу, ближе к реке.

Спрашиваем: есть ли в деревне старые люди, которые могли бы что-нибудь рассказать о прошлом здешних мест? Нам отвечают, что на другом конце Блужского Бора живет старая баба Соня, которая родилась и всю жизнь прожила в этой деревне, кроме нее разговаривать больше здесь не с кем.

После краткого обсуждения услышанного решаем вернуться, найти-таки городище и узнать — что это за памятник, который можно носить туда-сюда. Теперь, свернув на поле, не разбредаемся по бурьянам и крапивам, а дружно идем к ближайшему из растущих там дубов. Действительно, к стволу прислонена широкая доска, на которой надпись о том, что перед нами — курганная группа, памятник истории, охраняется государством. И смех, и грех.

Теперь идем искать городище. Выходим к реке и цепочкой двигаемся вдоль берега. Натыкаемся на холмик с плоско срезанной вершиной, пытаемся поковырять его тяпкой. Ничего не находим, но замечаем, что цвет земли сверху небольшого плато

намного темнее, чем обыкновенная подзолистая почва рядом в лесу. Опять небольшой совет. Решение — пройти дальше вниз по течению, принятое не без некоторых колебаний.

Еще метров сто вдоль берега — и вот оно, краеведческое счастье. Два неглубоких ровика, два невысоких валика, площадка в виде полумесяца, посередине — довольно большая яма. Культурный слой есть, но очень тонкий, много обыкновенного строительного мусора последних десятилетий. Нашли несколько маленьких черепков культуры штрихованной керамики, обмеряли и зарисовали городище. Река, по-видимому, долго размывала площадку, из-за того и тонок культурный слой (постройки на городищах «штриховиков» располагались, как правило, по краю площадки, сейчас, стало быть, сохранился только центр). Потом, уже вернувшись в Блужский Бор, выяснили, как появилась яма на городище: во время войны там вырыли землянку, в которой крестьяне прятали всякие припасы для партизан, чтобы те не ходили за ними в деревню. Строительный мусор на городище — тоже, надо полагать, результат постройки, а затем — и разрушения землянки.

Возвращаемся в деревню. За большим двором с собаками и иномарками, где мы спрашивали дорогу — обширный пустырь, заросли вишенника, несколько заколоченных домов. Попадаются и обжитые хаты с разноцветными машинами перед воротами. Видимо, хозяева их бывают здесь наездами на выходные. Опять заколоченные дома, заросшие бурьяном дворы.

Подходим наконец ко двору бабушки Софьи.

Наталья Ильинич пошла в хату. Я и юные краеведы рассаживаемся на лавочке перед калиткой.

Женщины приходят, учительница заводит разговор об общих знакомых, об огородных делах, о большой липе, что растет во дворе. Липу, оказывается, посадил отец нашей собеседницы, когда она родилась. А теперь и хозяйка старая, и липа — тоже. Живет она с сыном, сын работал в Пуховичах шофером, а теперь — безработный.

При этих словах появляется и сам сынок. Это высокий поджарый розовощекий блондин лет эдак за сорок с пшеничными усами, в джинсах и ковбойке. То ли киношный шериф из Техаса, то ли белорусский Яська. Только этот шериф не побивает всяких плохих парней, этот Яська не косит «канюшину». Согнувшись и вытянув шею по-журавлиному, он с дурашливой улыбкой рассматривает всех, сидящих на низенькой скамейке. Яська пьян, ему весело. Смутившаяся мать требует от него сделать что-то по дому. Яська выпрямляется, засовывает руки в карманы, уходит.

Снова течет тягучий женский разговор. Я смотрю в небо, мне неинтересно. Уже понятно, что кроме известного нам названия «Купалы» бабушка ничего не знает. Вся история для нее, как для многих белорусов старшего возраста — это история минувшей войны. Постепенно отдельные, не связанные друг с другом фразы превращаются в последовательный рассказ. Ну что ж, война — значит война. Я начинаю слушать и понемногу записывать.

РАССКАЗ СОФЬИ ПАВЛОВНЫ ЯСКЕВИЧ

Вся эта часть Пуховичского района, удаленная от больших дорог, была партизанской. Партизаны часто появлялись в деревне, ели, отсыпались, собирали дань и уходили.

Утром 2 мая 1942 года в Блужский Бор пришли каратели. Из-за того, что их вел какой-то мужик из местных (старуха не сказала кто), немцев никто не заметил. Кроме того, немцы были не на машинах, как это обычно бывало, а шли пешком. Среди их отряда были подводы.

Крик «Немцы!» раздался уже тогда, когда каратели подходили к деревне.

Как раз в это время в одной из крайних хат ночевали два партизана. Их разбудили, они кинулись бежать к лесу. Лес в то время был далеко от деревни, это сейчас она, а фактически — ее остатки стоят почти в лесу. Каратели заметили бегущих, начали стрелять, убили обоих — сначала одного, а потом — второго.

Затем немцы вошли в деревню, окружили дом, из которого побежали партизаны, перебили там всех, а дом подожгли. Подожгли и дома соседей. Потом окружили всю деревню и начали сгонять людей к горящим домам.

На том конце села, что ближе к Орешковичам, жили потомки шляхты с польскими фамилиями. В одной из этих хат проживал какой-то местный авторитет с двумя уже большими дочками-паненками. Обе дочери учились в институтах до войны, но закончить не успели. При первых выстрелах паненки хотели бежать в лес, однако отец приказал им прятаться в землянку, которую он вырыл во дворе. Туда же спрятались и соседка — деревенская учительница с маленьким сыном.

Немцы быстро нашли в пустом дворе землянку, открыли лаз и стали кричать: «Вылезай!» Вылез сперва отец и начал им по-польски объяснять, что здесь гражданские люди. Немцев объяснение не убедило, они зарезали авторитета тесаком, а в землянку кинули гранату. Взрывом убило маленького сына учительницы, одну паненку ранило в бедро, другой оторвало обе ступни. Немцы выволокли двух женщин из землянки и погнали в общую толпу. Учительница шла с мертвым ребенком на руках. Вторая зажимала юбкой рану. Безногая паненка после того, как немцы ушли, вылезла из землянки и заползла домой, заливая кровью все вокруг. Ей удалось выжить.

Толпу людей перед горящими домами каратели держали с поднятыми руками несколько часов. Перед людьми установили три пулемета. «Один большой, похожий на «Максима», а два маленьких», — вспоминает рассказчица. Она тоже стояла, как все. Одна маленькая девочка устала стоять подняв руки и опустила их. Подошел немец и убил девочку прикладом. В деревне дико ревела скотина.

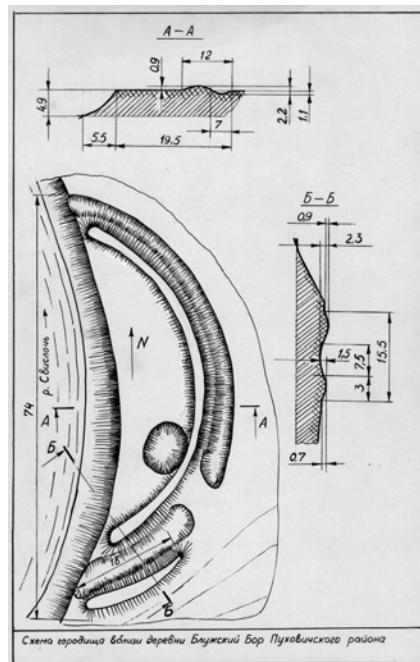
Все это время немцы грабили пустые хаты, наполняли свои подводы. Потом вывели из толпы всех мужиков — от мальчиков до стариков, построили и погнали перед собой в Лапичи.

Пулеметы убрали, бабы разбежались по хатам.

Один какой-то немец нагрузил чей-то велосипед пилами и топорами с крестьянских дворов. Старуха до сих пор недоумевает — зачем ему столько пил и топоров? Он поджег дом старой бабы, которая была соседкой рассказчицы, перешел с громыхающим от навешенного железа велосипедом через улицу и там поджег еще один дом. Все это время бабы кричали ему из-за заборов: уходи, уходи, видишь: твои уже уходят!

Пока немец таскался с велосипедом, пилами и топорами, той бабе, чью хату он поджег первой, удалось затушить огонь. Тогда немец вернулся, еще раз поджег ее дом и только потом пошел догонять свой обоз.

Мужиков из Блужского Бора немцы два дня продержали в Лапичах в амбаре, пока

один из местных полицейских не написал ручательство, что среди этих людей нет тех, кто связан с партизанами. Тогда часть захваченных отпустили домой, а оставшихся угнали в Германию. Рассказчице не повезло: ее отца угнали в Германию, где он и умер. Сама старуха, а тогда еще тринадцатилетняя девочка, осталась жить с мачехой. Мачехина сестра работала в Тальке на станции и потихоньку там воровала непонятно, каким промыслом оказавшийся на складе лавровый лист. Девочка Соня должна была перетаскивать добычу в свою деревню, где они с мачехой фасовали ее в пакетики и кулечки. Потом, груженная пакетиками, Соня топала на базар в Пуховичи и обменивала их у тамошних немцев на соль. Соль у мачехи по ночам забирали партизаны.

Старуха, рассказав это, искательно улыбается: вы люди городские, все знаете, что и как — нельзя ли там, в городе, узнать — может, мне пенсию добавляют? Ведь добавляют же некоторым, кто партизанам помогал.

Ну что ж, может быть, эта статья в чем-то поможет вам, Софья Павловна и будет маленьким памятником тем, кто был убит в деревне Блужский Бор.

БОЙ ЗА ОДЕРом, ИЛИ ЕЩЕ ОБ «ОКОПНОЙ ПРАВДЕ» ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

9 мая 2006 года ушел из жизни ветеран Великой Отечественной войны, почетный гражданин города Осиповичи Алексей Федорович Живов. В марте 2006 года Алексей Федорович передал автору этих строк свой архив. На основании документов ветерана, его записей и устных воспоминаний мною подготовлен очерк, который я посвящаю памяти А. Ф. Живова и всех, кто отдал свои жизни за ту великую победу.

1. Подготовка атаки

19 января 1945 года в составе наступающих советских частей 124-й отдельный Любанский танковый полк под командованием полковника Киселева перешел границу Германии, а 23 января, пройдя с боями пятьдесят километров, танкисты вышли к реке Одер. Экипажи уже знали, что передовые подразделения захватили на западном берегу реки плацдарм, и их полку предстоит прорыв обороны немцев с этого плацдарма. Однако из-за больших потерь полк был небоеспособен. Ночью 24 января танкисты получили приказ выйти из боя и сосредоточиться в городе Бернштадт для восстановления материальной части и пополнения. Самостоятельно в Бернштадт приехали только четыре танка, из них лишь один совсем не имел повреждений.

В течение недели ремонтные подразделения свозили в город оставленные по дороге подорванные на минах и подбитые артиллерийским огнем машины, и к 7-му февраля в полку насчитывалось уже 11 полностью боеспособных танков (то есть одна полноценная рота плюс командирский танк). Экипажи также получили пополнения. В ночь на 7/8 февраля полк совершил еще один марш к городу Валау, где была только что построена переправа через Одер.

С рассветом на мост двинулась 2-я рота под командованием капитана Юрченко (она считалась самой боеспособной, так как понесла наименьшие потери в людях, именно ей и отдали восстановленную матчасть). Однако противник очень быстро обнаружил переправу, и даже головному танку ротного пришлось идти через реку под сплошным обстрелом. За командирским танком на плацдарм переправился взвод старшего лейтенанта Живова. За последней машиной этого взвода произошло попадание по настилу моста, движение взводов старшего лейтенанта Рыбина и старшего лейтенанта Гончарова было остановлено. С берега к разбитым участкам моста бегом бросились саперы, а танки отошли в лесок, чтобы не быть мишенью для немецких артиллеристов.

Вскоре настил был отремонтирован, комендант моста просигналил флажками «Заводи!»

Танки вновь пошли на плацдарм. Капитан вывел свою роту в лес примерно в 2-х километрах от передовых окопов. Экипажи получили приказ копать капониры, а командиры роты и взводов были собраны на НП передового стрелкового батальона для рекогносцировки переднего края противника. Там их встретили «Батя» — полковник Киселев и помощник начальника штаба по разведке старший лейтенант Фортальнов. Вместе с пехотными командирами офицеры-танкисты наметили ориентиры и колонные пути выхода танков к переднему краю обороны, проходы через окопы советской пехоты, по возможности, изучили оборону противника и расположение его огневых точек. Затем командиры танковых взводов вернулись к своим экипажам. Противник вел плотный огонь по плацдарму, поэтому перемещаться по нему можно было только по-пластунски или короткими перебежками.

Правее сосредоточения полка был укрепленный пункт немцев — деревня Юртч. Танкистам была поставлена задача: совместно с пехотой (части 12393 пехотного полка и 373 пехотной дивизии) прорвать оборону в районе деревни и в дальнейшем наступать на деревню Зигендорф. Вторая рота в составе 7 танков (взвод Живова и взвод Гончарова плюс командирская машина) и представляла собой ударную группу. Третий взвод старшего лейтенанта Рыбина командир полка оставил в резерве.

«Надо сказать,— вспоминал через много лет Алексей Федорович Живов,— что экипажи у нас были бывалые, опытные, обстрелянные, что называется — сколоченные». В перерывах между боями они постоянно тренировались на устранение неисправностей, могущих случиться в бою. Полковник Киселев и непосредственный командир капитан Юрченко всячески поддерживали, например, соревнования между экипажами — кто быстрее разберет и соберет пулемет или затвор пушки. Соревновались (даже и с завязанными глазами) и командиры танков, и командиры орудий, и заряжающие. В победителях чаще всего оказывались старший лейтенант Петр Гончаров и командир орудия старший сержант Петр Котлов из экипажа Юрченко. Да и в остальном Гончаров и Котлов были примером для прочих танкистов»,— заключает Алексей Федорович.

Оставшуюся часть дня экипажи провели в подготовке к предстоящему прорыву. Так, в танке Живова командир орудия Шишкин (он был старший в экипаже, все его называли Егор Иванович) много раз осматривал и проверял приводы поворота башни и подъема орудия, клеммы и крепление проводов электроспуска пушки, регулировку тросов механического спуска пушки и спаренного пулемета.

Механик-водитель сержант Бутенко занимался осмотром тяг управления (все ли шплинты в наличии), проверял переключение скоростей, электропроводку от аккумуляторов. Заряжающий сержант Погудин укладывал снаряды так, чтобы их ловчее было брать при зарядании, протирали снаряды от ненужной теперь смазки (а иначе масло может пригореть при выстреле, и тогда гильзу не выбросит из ствола — придется применять экстрактор). Точно так же чистились, смазывались, подтягивали гайки и контровку и другие экипажи. К вечеру ротный зампотех старший лейтенант Седун и механик-регулировщик Евдокимов принимали каждую машину на готовность к бою.

Сами танкисты тоже почистились, побрились и даже подшили свежие подворотнички.

Рано утром ротный старшина поднял экипажи и начал раздачу завтрака.

Надо сказать, что пищу от каждого танка было принято получать двум человекам — только у них были для этого котелки. Ели танкисты по двое из одного котелка. В экипаже Живова котелками заведовали Шишкин и Бутенко, командир ел с Шишкиным, а механик-водитель — с заряжающим. Как всегда перед боем, на этот

раз была выдана усиленная порция (овсяная каша с мясом), да еще и заряжающему старшина выдал сухой паек.

Автор этих строк в разговоре с А. Ф. Живовым поинтересовался, как ветеран оценивает кормежку бойцов. В 124-м танковом полку еды было вдоволь (за исключением времени пребывания на Ленинградском фронте зимой 1941—42 гг. — там голодали все), и она была, по возможности, разнообразной. Командир Киселев лично следил за питанием подчиненных, и повара были опытные и старательные. Во всяком случае, неприменный персонаж солдатского фольклора, кашу под названием «шрапнель» ветеран не припоминает.

...Заряжающий за завтраком выглядел хмуро. Командир орудия (который Егор Иванович) посмотрел на него и говорит: «Что задумался, Володя, черпай со дна, где гуще, неизвестно еще, когда Шимчук (это старшина) нам горяченького привезет! Эх, неплохо было бы нам пообедать из кухни Гудериана!» — «Я бы согласился не обедать, но только бы поужинать там,» — улыбнулся Владимир Погудин.

Молодой взводный Живов посмотрел на своих подчиненных: танкисты шутят перед атакой — значит, будут работать как надо.

2. Атака

Позавтракав, экипаж начал укладывать по местам амуницию. В это время к капониру прибежал ротный связной Попов: «Товарищ старший лейтенант, вас вызывает к себе командир роты!» Живов побежал к укрытию Юрченко. Там уже был и Петр Гончаров.

Ротный уточнил задачу: «Первый взвод Живова атакует левее опорного пункта Юртча, еще левее атакует взвод Гончарова. Я иду между взводами, в 100 метрах сзади. За Юртч в бой не ввязываться, старайтесь обойти его слева, выйти на опушку леса и перерезать дорогу Лившиц — Гайнау, дальше идти на Гайнау, имея локтевую связь между взводами. Радиосвязь непрерывно поддерживать со мной и с командиром полка, от пехоты не отрываться. Понятно? Вопросы есть? Нет? По местам!»

Взводные побежали к своим танкистам, на ходу крича: «По машинам!»

Только успели залезть в танки, как началась артподготовка. Включили шлемофоны на прием. Через треск слышали: «Орион-1, Орион-2, я — Орион, заводи!» Все командиры танков были на приеме и слышали команду ротного. Танки завелись разом.

Шла канонада, били орудия и минометы, «играли» «Катюши», над головами летели штурмовики. Разговаривать можно было только по радио. По команде взводные вышли из капониров и повели своих подчиненных на исходную позицию. Рота строилась в боевой порядок.

При рекогносцировке командиры разных родов войск решили, что танкисты пойдут в бой за 10 минут до окончания артподготовки. За это время они, по расчетам, успевали пройти сквозь боевые порядки своей пехоты и подойти к траншеям немцев так, чтобы у противника оставалось, по возможности, меньше времени для организации противодействия после окончания советской артподготовки. Пехота должна была обозначить проходы для танков поднятыми на стволы автоматов касками, а затем — следовать за ними. Взводный Живов должен был везти на броне своего танка двух человек из полковой роты разведки — для наводки и целеуказания. Еще двух разведчиков вез на броне ротный.

...День был оттепельный, пасмурный. Снег с поля стоял, земля отмерзла (правда, неглубоко), превратившись в липкую кашу. Весь экипаж танка Живова прильнул к перископам, рассматривая поле будущего боя. По-видимому, то же самое было и в других танках.

Наконец, в наушниках танкошлемов услышали голос Бати: «Орионы, я Юпитер!»

Заводи! Вперед! Бей фашистских гадов!» Люки в танках закрылись на защелки, взревели моторы, машины пошли в атаку. Вот приближаются траншеи своей пехоты. Командир Живов переключился на внутреннюю связь, кричит: «Бутенко, видишь? Подняты две каски! Не промахнись!» Водитель отвечает: «Вижу! Понял!» Бутенко сбросил газ, танк ткнулся передними катками в противоположную стенку траншеи, клюнул носом, затем вздыбился на бруствер, перевалился, вышел на поле. В перископ видно, что пехота поднялась из траншей. Механик-водитель поддал газу. Над вражеским передним краем стеной поднимался дым — видимо, поработали «Катюши». Наконец артиллерия перенесла огонь вглубь позиций немцев. До окопов противника — метров 100. Как с советской, так и с немецкой стороны полетели ракеты наводчиков, обозначая цели для стрельбы. Немцы открыли огонь из дзотов и окопов. Начала работу вражеская артиллерия. Живов в ответ с ходу ударил из пушки и из пулемета. В перископ было видно, как во вражеском окопе заметались каски. Тут в пулемете кончился диск.

Живов: — Пулемет заряжай!

В это время заряжающий уже разобрался с пушкой и вставлял новый диск в пулемет. Чтобы не терять ни секунды, командир ударил по окопу из пушки. Снаряд лег прямо в траншею.

Шишкин: — А, гады, попались! Нашего сала захотели! Погудин: — Пулемет готов!

Командир ударил из пулемета, однако на этот раз не так удачно — танк качается на ходу, очередь легла с недолетом. Водитель Бутенко сбросил газ, давая возможность старшему лейтенанту прицелиться. Командир орудия комментировал стрельбу: «Давай-давай! Хорошо! Еще!» Бутенко сделал короткую остановку, а затем повел танк через траншею. Стрелять нельзя, командир взялся за наблюдение.

Слева от него шли танки взвода Гончарова: ближний — лейтенанта Кирюхина, за ним — взводного, дальний — младшего лейтенанта Григорьева. Они так же вели огонь, а затем перевалили через траншею. Танки своих подчиненных, лейтенанта Огаркова и младшего лейтенанта Ефремова, Живов увидел позади себя, они притормозили перед насыпью дороги. Метрах в ста за танками бежала пехота.

Танк вышел на ровное место. Здесь — не зевай, всюю приходится работать механизмами подъема — поворота. Перед взором перископа мелькают каски бегущих немцев. Командир непрерывно бьет из пулемета, ему вторит заряжающий из нижней стрелковой точки.

Вскочили в перелесок. Артиллеристы противника потеряли танк из виду, ведут уже не прицельный огонь, а по площади. Дальше одному идти опасно, могут подкараулить фаустники. Живов скомандовал остановиться. По радио запросил подчиненных. Первым ответил лейтенант Огарков: «Веду бой, подошли к насыпи дороги, ожидаем пехоту!» За тем отозвался Ефремов. За леском, в котором остановился танк Живова, было поле, справа — лес, слева — укрепленный пункт немцев Лившиц. Туда бегут отступающие немцы из траншей.

Сзади подъехал танк капитана Юрченко и все три танка взвода Гончарова. С танка командира роты скатились разведчики. Ротный высунулся из люка, наблюдает в бинокль, затем командует по радио: «Живов! Видишь впереди дорогу, идет на Лившиц, а в конце деревни идет дорога на Гайнау? Справа — канава. Пойдешь вдоль канавы, выйдешь на противоположную окраину деревни, и отрежь путь отхода из Лившица. Стань в засаду, стреляй с коротких дистанций. Понял?» — «Понял!» Живов включил ТПУ (танковое переговорное устройство), уточнил, поняли ли задачу подчиненные, а затем: «Заводи! Вперед!» Танк качнулся, покати по перелеску вдоль канавы. В одном месте канава разлилась, чтобы нечаянно не провалиться, пришлось

обходить по открытому месту. Все внимание экипажа приковала к себе деревня Лившиц, башню заранее повернули на деревню. Вот опять бегут из окопов немцы.

Бутенко: — Погудин! Немцы! Огонь!

Заработал пулемет заряжающего.

У деревни — стог сена.

Шишкин: — Товарищ командир! За стогом пушка с прислугой, вправо 10, дистанция 500!

Живов: — Вижу! Осколочным заряжай!

Командир установил нить прицела на 500 метров, стал подъемно-поворотным механизмом ловить цель на угольник. Выстрел с ходу. В перископе видно облако разрыва, которое закрыло цель. Значит — недолет. Дым отнесло ветром, тут же выстрелила пушка. Ее снаряд лег левее танка, по броне ударили осколки. Началась дуэль.

Шишкин: — Осколочный готово!

Живов: — Короткая!

Водитель остановил танк. Командир опять крутит рукоятки. Выстрел. Бутенко тут же дал полный ход. В прицел видно, что пушка опрокинута. Шишкин:

— Есть! Гитлер капут!

Сток горит. Немцы из орудийного расчета бегут к деревне. Танк идет мимо, приближаться к стогу нельзя, там может остаться фаустник. Командир издали бьет по немцам из пулемета. Внезапно пулемет замолчал.

Живов: — Пулемет заряжай!

Погудин: — Пулемет готов!

Живов: — Пулемет не работает! Смотри неисправность! Пушку осколочным заряжай!

Шишкин: — Влево 20, на чердаке пулемет!

С крыши одного из домов мерцает огонек, похожий на сварку, трассирующие пули летят по наступающей советской пехоте.

Живов: — Вижу! Бутенко, короткая!

Выстрел!

С чердака полетели доски, вспышки огня прекратились. Бутенко сразу рванул передачу на полную скорость.

Между домами мелькнула машина с пушкой на прицепе. Живов: — Осколочным заряжай!

Ответа нет. Заклинило гильзу в пушке, заряжающий пытается открыть затвор. Немецкая машина с пушкой может уйти. Погудин ковыряет в казеннике экстрактором. Шишкин перелез к заряжающему, стал разбираться с пулеметом.

Шишкин: — Пулемет готов!

Живов стал искать просвет между домами, где должна появиться машина. «Бутенко, короткая!» Танк встал. Живов ударил из пулемета с упреждением и увидел в прицел, как автомобиль налетел на очередь. Из кузова попрыгал расчет. Еще одна очередь.

Шишкин: — Осколочный готово!

Живов: — Молодцы!

Командир ударил из пушки. Попадание!

Живов: — Хорошо! Вперед!

По радио запросил Юрченко и Гончарова. Они не ответили. Между тем танк, клюнув носом, рванул вперед. Оставаться на открытом месте опасно. Водитель снова взял вправо, в лесок, затем развернулся лицом к деревне. Хорошо видна дорога Лившиц — Гайнау.

...И Юрченко, и Гончаров в это время, скорее всего, были уже мертвы. Капитан,

когда отдавал свой последний приказ, рассчитывал, вероятно, на то, что с противоположной стороны к Лившицу подходят танки корпуса генерала Корчагина (они тоже в этот день вели бои по прорыву обороны противника с плацдарма). Значит, пушки немцев будут развернуты на правый фланг, и есть возможность внезапного удара четырех танков в тыл немецкой обороны. Для этого нужно только проскочить открытый участок примерно в 800 метров. Надо сказать, что капитан, судя по журналу боевых действий полка, уже использовал такой тактический прием около года назад, во время окончательного изгнания немцев из-под Ленинграда, и использовал с успехом.

Однако теперь, едва выйдя из леса, Юрченко и взвод Гончарова попали под огонь противотанковой батареи. Капитан доложил об этом командиру полка. Экипажу танка удалось подбить одно орудие, после чего все оставшиеся немецкие пушки перенесли огонь на танк ротного. Двумя последующими выстрелами танкисты уничтожили еще две пушки. Однако и сами получили попадание. Это случилось как раз посередине поля. Водитель Слепов и командир танка были ранены. Горящий танк пока двигался, Юрченко удалось подбить еще одну пушку.

Второе попадание немецкого снаряда заклинило башню. Теперь осталось одно — покинуть танк. Экипаж вместе с двумя разведчиками под прикрытием дыма от горячей машины бросился к единственному на этом поле укрытию — канаве. Немецкие артиллеристы перенесли огонь на танки Гончарова.

Некоторое время танкисты потратили на то, чтобы перевязать Юрченко и Слепова, а затем обнаружили, что атакованы немецкой пехотой. Видя безвыходность положения, капитан сам поднял своих подчиненных в атаку...

...Экипаж Живова немного отдышался. Немцы опять потеряли их танк из виду. Водитель заглушил мотор. Командир поднял люк. У всех внутри началось легкое головокружение от свежего воздуха.

Два полковых разведчика так и ехали на танке, прикрываясь башней. Старший лейтенант приказал им залечь метрах в 20 позади танка, прикрывая тыл, а сам стал осматривать местность. Экипаж в это время готовился продолжать бой. Живов решил доложить о выполнении задачи. Однако Юрченко не отвечал. Вызвал Гончарова — тоже молчание. Связался с полковником Киселевым. Ответил радист. Взводный доложил свои координаты. Ответ: «Будьте на связи».

Через минуту на связь вышел комполка. «Тебя понял, стой на месте, береги снаряды, бей наугад. Где Юрченко и Гончаров? Почему не отвечают?» — «Юрченко и Гончарова не вижу, связи с ними нет».

В это время Шишкин толкнул командира: «Товарищ старший лейтенант! Между домами проскочила машина!» Живов повернул башню. В прицел виден грузовик с прицепом, на котором миномет.

Живов: — Осколочным без колпачка заряжай! Погудин: — Готово!

Выстрел. Снаряд не долетел метров 50. Снова прицеливание. Живов: — Пушку заряжай! Погудин: — Готово!

Выстрел. Снаряд попал под прицеп. Машина остановилась. Сидевшие в ней немцы побежали в деревню. Живов ударил из пулемета.

Погудин: — Еще одному миномету и двум немцам капут!

Теперь надо уходить. Механик-водитель по приказу командира сдает назад и укрывается среди сосен. Разведчики при этом спешно залазят на танк, боясь, что о них забудут. В это время из деревни начинается обстрел того места, где танк стоял еще полминуты назад. Пехотинцы спрятались под днище. Немцы повели беглый огонь. Два или три снаряда упали вблизи танка. Экипаж успел засечь одну из стрелявших пушек.

Обстрел закончился. Погудин открыл люк в днище, кричит разведчикам: «Це-

лы?» Один из них, по фамилии Слуквин, отвечает: «Власов ранен в ногу, дайте бинт!» Погудин ныряет в десантный люк.

Рана у Власова небольшая. Осколок пробил сапог и ватные штаны, повредил мягкие ткани. Сильно идет кровь.

Решили затащить Власова внутрь танка. Командир пока взял с погона башни приготовленную еще вчера самокрутку, закурил, пуская дым в люк. Заряжающий, проталкивая раненного снизу внутрь танка, сам остался на улице и теперь через командирский люк полез на свое место.

Шишкин попросил товарища старшего лейтенанта докурить бычок. Живов отдал — не жалко. Окурок был маленький, и командир орудия пошутил: «На, кум, докури, а то губы печет!» Все засмеялись. «Экипаж духом не падает», — подумал молодой командир.

Потихоньку темнело. Стрельба несколько стихла, из сплошного грохота стали слышны отдельные выстрелы. Ни советской пехоты, ни танков не видно. Скорее всего, немцы на этот раз смогли остановить порыв наступающих. Живов запросил по радио подчиненных Огаркова и Ефремова. Получил ответ: «Ведем огонь с места. Находимся в квадрате 125/827. Пехота залегла. Противник ведет фронтальный и фланговый огонь. Впереди лес и болото».

Затем командир взвода связался с полковником Киселевым. «Стою в засаде, дорогу держу под прицелом, движения по дороге нет». В ответ комполка приказал стоять на месте.

В это время заряжающий доложил, что на дороге — легковая машина. Шишкин попросил: «Товарищ старший лейтенант, дайте, я ее!» Живов встал в командирскую башенку, Шишкин занял его место. К машине полетела очередь трассирующих пуль. Автомобиль опрокинулся «Молодец, Шишкин!»

3. Отступление

В это время по внешней связи слышно: «Орион-2, Орион-2! Как слышишь, Орион?» — «Я Орион-2, слышу вас!» — «Я Юпитер (Ковалев). Прибыть в квадрат 127/829. Обрати внимание на деревню. Наши предупреждены. Как понял? Прием!» — «Понял. Выполняю».

Судя по карте, комполка приказал вернуться на позицию, откуда началась атака. Поговорив с экипажем, Живов решил обойти разлив канавы по лесу, пока еще светло, а затем рвануть через поле. Погудин приготовил ракетницу с зеленой ракетой. Разведчик Слуквин спрятался за башней танка. Поехали.

Лужу при канаве обошли относительно спокойно. Вышли на край леска. Приготовились: развернули башню на деревню, вставили диски в пулеметы, раскрыли затвор пушки. На краю деревни увидели две «тридцатьчетверки» с опущенными стволами. Неужели это танки взвода Гончарова? А что с экипажами?

Край леска приходился примерно напротив середины деревни. Проехали несколько десятков метров — и взволнованный крик Шишкина: «Командир, пушку вправо, смотрите, выкатывают орудие!» Погудин без команды докладывает: «Осколочным готово!» Танк идет, цель прыгает, никак не поймать. Живов, чертыхаясь, крутит рукоятки наводки. Выстрел — мимо, снаряд попал в стоящий рядом сарай. Заряжающий тут же дослал второй. Выстрел!

Второй снаряд лег совсем рядом с пушкой. В прицел видно, как попадали артиллеристы из расчета. Однако танк уже засекли, по нему начали стрелять с трех направлений. Живов успел найти еще одну пушку. Один выстрел — мимо, недолет, второй выстрел — мимо...

В эту секунду послышался звук, похожий на сильный щелчок. Все заволокло каким-то туманом, сознание уплыло. Командира приподняло, затем шлепнуло на место, ноги соскочили с педальей ножного спуска.

Когда Живов очнулся, танк медленно ехал вперед. В башне плавал густой дым. Посмотрел вниз — механик, пытаясь поддать газу, дергает по колено оторванной ногой. В это время очнулся Шишкин и сразу же полез вниз, стал стаскивать Бутенко с места. Внизу тесно (там еще и разведчик Власов, он сидит, будто окаменев). Шишкин кричит Власову: «Что смотришь, помоги!» Лицо разведчика посечено мелкими осколками и залито кровью, он не видит. Тогда вниз спустился заряжающий Погудин. Вдвоем с Шишкиным они перетаскивают раненого Бутенко в башню. Шишкин занял место водителя. В это мгновение Живов увидел, как немецкая пушка выстрелила еще раз. Снаряд медленно пронесло над танком, он разорвался где-то в лесу.

Танк остановился. Живов смог поймать пушку в прицел. Выстрел! Снаряд лег рядом с целью. Все — про эту пушку можно забыть, хотя бы на время.

Но обстрел продолжается. Где-то еще есть орудия. Где? В одном месте между домами деревни — какие-то силуэты людей. Пушки не видно, но она, скорее всего, там. Живов доворачивает башню...

В это время Бутенко уже перетаскивали в боевое отделение, Шишкин сидит на его месте в луже крови, дергает рычаги переключения скоростей. Погудин вернулся на место, досылает в казенник новый снаряд. Живов всматривается в прицел.

Так и есть! На секунду командир видит в прицеле отблеск от оружейного ствола между домами. Значит, он прицелился правильно! Выстрел!

Воют шестерни коробки скоростей. Танк, клонув носом, срывается с места. Шишкину все-таки удалось включить скорости! В том месте, куда послал снаряд командир — вспышка выстрела и сразу же — разрыв танкового снаряда. В следующий миг — удар по танку, волна тошноты. Немецкая пушка уничтожена, но и танк подбит еще раз. Внутри башни опять не продохнуть от дыма.

Теперь уже все, финал: немецкий снаряд пришелся на моторное отделение. По полу растекается лужа соляры. Сейчас начнется пожар. Однако Погудин еще раз заряжает пушку. Времени искать противника уже нет, Живов посылает снаряд в то же место, где была предыдущая цель, командует: «Из машины!» Командир выскочил через свой башенный люк, снаружи тащит через люк механика-водителя безногого Бутенко, которого из танка подталкивает Погудин. Бутенко, ранее не чувствовавший боли из-за шока, теперь беспрестанно матерится: ему очень больно. Из башни один за другим вылезли Шишкин и разведчик Власов. Весь экипаж контужен от попадания снарядов, людей качает, как пьяных. Власов к тому же дважды ранен. Из моторного отделения валит густой дым.

Между тем опускаются сумерки.

Внезапно Живов увидел метнувшуюся к танку тень. Командир выпустил клеенчатую куртку механика-водителя, которого все никак не могли вытащить из танка, схватился за кобуру. Однако эта тень оказывается разведчиком Слуквиным, который ехал на броне, живым и невредимым, про которого, признаться, уже и забыли. Слуквин вовремя успел спрыгнуть с танкового корпуса и теперь подбежал помочь вытащить Бутенко. Отвлекаясь от кричащего от боли механика, Живов увидел, что по ним уже ведется огонь из пулеметов. На поле единственное укрытие — это та самая канава, которая так мешала танкистам днем. До нее метров 50. Вытащив-таки водителя, дружно побежали прятаться, прикрываясь корпусом танка.

Бухнулись вниз. Время как будто снова ускорило свой бег. Раньше в одну секунду старший лейтенант Живов делал множество суетливых движений, теперь же все движения и его, и подчиненных стали плавными, какими-то сонными.

Между тем над головами висели светящиеся трассы от пуль. Нужно было уходить. Крутой скат канавы опускался под воду, до дна, по виду, было около полутора метров. В том месте, где спрятались танкисты, берег нависал над водой, можно было сидеть, не замочившись. Но сзади и спереди от беглецов местность опускалась, а откосы канавы почти сливались с водой.

Командир приказал отползти метров на 25—30. Густые светящиеся трассы остались позади. Погудин перетянул обрубок ноги Бутенко ремнем, сверху Шишкин обмотал ноги водителя своей фуфайкой и еще раз закрутил ремнем.

Что теперь делать? Вроде бы, если идти дальше по канаве, то можно выйти к своим. А если нет?

Общее мнение экипажа и разведчиков высказал Шишкин: «Вы, товарищ старший лейтенант, идите впереди в разведку. Мы берем Бутенко и идем за вами. Прикрывают Слуквин и Власов».

Через много лет Алексей Федорович Живов вспоминал, что он совсем не был уверен в том, что впереди свои. Идти одному с пистолетом было откровенно страшно. Но все бойцы поддерживали Шишкина, тут уж нельзя показывать трусость. Пришлось, не подавая вида, идти вперед и прокладывать дорогу. Для самоуспокоения командир припоминал старые сентенции вроде «сам погибай, а товарища выручай».

Берега канавы понижались, прятались под водой. Хочешь — не хочешь, пришлось купаться. Живову вспомнилась сцена из фильма «Чапаев»: Чапай плывет по реке, над его головой — пулеметные трассы.

Вот и он теперь, как Чапай, бултыхается под пулями. (В скобках надо сказать, что человеку, родившемуся на сорок лет позднее, скорее всего, припомнился бы другой фильм. Мой ровесник, наверное, смачно сплюнул и грустно сказал бы хриплым голосом: «Как в Турции!») Из Лившица, не переставая, грохотали пулеметы.

Чапай Чапаем, но черт возьми, до чего же холодно! Не выдержав ледяной воды, командир выскакивает на берег, пробегает метров с двадцать, снова бухается в канаву. Алексею показалось, что так теплее. Он повторяет этот маневр еще и еще раз, затем ложится, смотрит назад: как там свои? На фоне мутного сумеречного неба четко виды бегущие силуэты: подчиненные тоже замерзли и выскочили из канавы. Командир поднимается, снова несется по полю.

Внезапно светящиеся линии смещаются вперед, догоняют беглецов: немцы их увидели. Живову кажется, что он переступает через трассы хвостатых пуль. Скорей в канаву!

Ощупал себя — вроде цел. Восточная окраина деревни уже позади. Вперед!

Во время одной из перебежек увидел перед собой новые снопы трассеров. Упал, полежал, отдышался, осторожно поднял голову, осмотрелся, снял танкошлем, чтобы лучше слышать. Да все правильно: спереди тоже бьют пулеметы. Но бьют они по Лившицу!

Может, там свои? Сделал еще одну перебежку, упал, услышал: сзади взволнованно, чуть ли не хором орут подчиненные: «Наши! Наши! Вперед!»

Еще перебежка. Впереди взлетают две зеленые ракеты (еще до начала боя командиры условились: две красные ракеты — атака, две зеленые — наши).

Судя по ракетам, до своих метров триста. Больше половины этой дистанции Алексей пробежал единым духом.

Снова упал, прополз, отдышался, начал кричать, что есть мочи: «Кто вы? Отзовитесь!» Снял танкошлем, услышал: «Свои, свои, давай сюда!»

Навстречу ползут двое, тоже кричат: «Свои, свои, не стреляй!» Когда подползли, первый сказал: «Мы за вами давно наблюдаем, прикрывали огнем, давали ракеты». Живов в ответ попросил помочь перенести раненого. Разошлись.

Через несколько минут старший лейтенант был уже на НП стрелкового батальона, рассказывал обстановку пехотным офицерам. От них, в свою очередь узнал, что из семи танков, что пошли в атаку, целыми остались только два — его, Живова, подчиненных, Огаркова и Ефремова, тех, что отстали. Теперь они стоят в засаде напротив деревни Юртч.

Пехотинцы рассказали Живову, как найти полковника Киселева, он пошел на доклад.

В командирском танке был только радист Юличев, он доложил, что полковник — на НП пехотного полка, увязывает взаимодействие частей для завтрашней атаки. Он уже знал, что полковой врач Кацман, которого все называли «Батенькой», уже сделал перевязку Бутенко, и что его немедленно переправляют на восточный берег Одера. Радист, как и все в полку, переживал за Юрченко и Гончарова. Последняя передача капитана была: «Веду бой с противотанковой батареей. Гончаров со мной, Живов ушел вперед, Григорьев прорвался на окраину деревни». После этого связь прекратилась.

Подожли Киселев, замначштаба по разведке Фортальнов, офицеры штаба: «Смотрите, Живов живой! Живов здесь!» первый вопрос командира — где Юрченко? Ну, а дальше — все по порядку: сколько у немцев было пушек, нет ли минных полей, как лучше перевалить через злополучную канаву...

В это время по лесу через расположение полка группами и поодиночке бегом и шагом к передовым позициям все подходили и подходили пехотные подкрепления, неподалеку разворачивались, распрягали лошадей артиллеристы. Утром явно готовилась новая атака.

Киселев отправил Живова к ремонтникам лейтенанта Волошина. Там, прямо в будке укрытой и замаскированной машины, уже разожгли буржуйку — обсушить старшего лейтенанта.

От старшины принесли Живову остатки обеда. Под непрекращающийся грохот оружейной канонады, под разговоры о том, что могло случиться с ротным Юрченко, старлей Живов уснул в углу ремонтной летучки среди папиросного дыма и печного чада, завернувшись в чью-то промасленную фуфайку.

4. Новая атака

Проснулся он оттого, что привычный шум перестрелки перекрыл грохот артподготовки. Машина ехала, раскачиваясь, потом останавливалась, снова трогалась, шла вперед, опять стояла. В полутьме Алексей оделся. Летучка остановилась на улице деревни. Живов выскочил из будки.

Это был Лившиц, который они вчера безрезультатно штурмовали. По улице в сопровождении зампотеха Седуна и механика Шлюпикова к машине шли два совершенно черных человека в прогоревших клеенчатых одеждах. Один «негр» вдруг закричал «Живов!» и полез со слезами обниматься: «Не думал, что мы встретимся, ждал, что нас фрицы прикончат!» Это был Котлов, командир орудия из танка капитана Юрченко. Второй оказался радистом Долгих.

Как это принято, после отхода немцев началось прочесывание деревни — не оставили ли «гансы» каких сюрпризов. Седун руководил этими работами. В центре деревни, в подвале кирпичного двухэтажного дома саперы обнаружили командный пункт немцев. Сюда вели ходы сообщения со стрелковыми ячейками. Рядом с домом стоял сарай, закрытый на висячий замок. Седун позвал известного своей силой Шлюпикова, вдвоем они выдернули пробой, открыли дверь, увидели двух человек, сидевших в темноте на соломе.

«Товарищ зампотех Седун! Не стреляйте! Я Котлов! Долгих, наши!» Седун и Шлюпиков развязали сидельцев, те плакали: «Мы думали, нас пришли расстреливать!»

Обоих танкистов отправили в санчасть к доктору Кацману.

Седун, Живов и Шишкин пошли искать тех, кто участвовал во вчерашней атаке.

На поле перед деревней стояли подбитые и обгоревшие танки: командира роты — подальше от домов, командира взвода — поближе. Недалеко от танка ротного нашли тела Юрченко, его механика-водителя Слепова, заряжающего и двух разведчиков.

Экипаж второго танка после того, как их подбили, пытался отползти от деревни по неглубокой колее гусениц своей машины. Однако они, скорее всего, были хорошо видны с чердаков, и их всех расстреляли. Так их, лежащих в колеях, и нашли: в одной — командир Гончаров и командир орудия, в другой — механик-водитель и заряжающий.

Танки лейтенантов Григорьева и Кирюхина прорвались в деревню, их уже там подбили фаустники. Экипажи, по-видимому, погибли сразу: никто даже не открыл люков, их теперь пришлось вскрывать ключами.

Солдаты из ремонтного взвода выкопали могилу в центре деревни, сколотили из досок пирамидку с жестяной звездой. Зампотех на трофейном бронетранспортере привез с поля погибших. Притащили железную оградку с немецкого кладбища. Похоронили товарищей честь по чести, с салютом и речами. Поклялись трижды отомстить за убитых.

А потом полк построился и двинулся на очередное доукомплектование. Живов вспоминал по дороге, как он и старлей Гончаров всего год назад пообещали двум серьезным девушкам из городка Сольцы в Новгородской области обязательно заехать к ним после войны. Петр Гончаров уже не выполнит обещанного. А Живов? Кто же знает...

4. А что было дальше?

Алексей Федорович Живов стал командиром роты, воевал до последнего дня, дошел до Праги, уволен из рядов Вооруженных сил СССР в 1960 году по известному решению Хрущева, долго жил в городе Осиповичи Могилевской области, работал начальником штаба по гражданской обороне.

Механик-водитель Бутенко умер по дороге в госпиталь. В одном из последующих боев погиб разведчик Власов. Капитану Николаю Юрченко и старшему лейтенанту Петру Гончарову было посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Полковник Петр Киселев так же, как и Живов, служил в армии до 1960 года, затем жил в городе Ленинграде, работал там учителем труда в школе, до самой своей смерти в 1989 году возглавлял организацию ветеранов 124-го танкового полка. После него организацию возглавлял бывший лейтенант Огарков.

Украинка...

Это прекрасное стихотворение написала молодая и красивая украинская девушка, чье имя мы не можем назвать из соображений ее личной безопасности в условиях антироссийской истерии в современной фашистско-бандеровской Украине.

ПРОСТИТЕ НАС

Простите нас, родные россияне,
Пока еще вращается Земля,
Мы братьями Вам быть не перестали,
Вас предала не Родина моя,
Не люди, что на площадь выходили,
Пытаясь наболевшее сказать,
А те, кто нашу Родину купили,
Купили, чтобы выгодно продать.
Правители приходят и уходят,
Кого-то помнят долго и добром,
Но комом каждый президент выходит,
Как первый блин, в моем краю родном,
Нас ссорили с экранов и смеялись,
Что разругались братья в пух и прах,
Но верим, мы в душе людьми остались,
И понесем друг друга на руках;
Когда из нас кого-то ранят в спину,
Не будем о гражданстве вспоминать,
Я верю, что не может Украина
На братские народы наплевать.
Простите нас, что Вас не пропускаем
На собственных границах как врагов,
Простите, что каналам доверяем,
Где нас считают всех за дураков,
Показывают войны, истерию,
И получают в долларах паек,
Но нету Украины без России,
Как без ключа, не нужен и замок.
Мы все — одна семья, пусть разругались,
Но ссоры ведь случаются в семье;
И главное, чтоб мы людьми остались,
А не зверьми, готовыми к войне
За Землю, за туманные идеи, забыв о том,
Что детям нужен мир!
Я думать по-другому не умею,
А мы для власти нашей просто тир,
Хотят — на нас же армию направят,
Хотят — на воздух нам введут налог;
Но разлюбить Россию не заставят,
Пока мы вместе, с нами Бог!

Эльвира Плюснина
(г. Фрязино Московской области)

Плюснина Эльвира Николаевна — поэт, эссеист, по специальности физик, окончила физический факультет МГУ. Живет в г. Фрязино Московской области. Много лет проработала на предприятии электронной промышленности. Стихи пишет с 1998 г. Имеет ряд публикаций в сборниках в Москве и Новосибирске. Автор двух книг стихов: «Вижу красоту», М.: Московский Парнас, 2011 г. и «Остаться живой», М.: Московский Парнас, 2014 г. Член Союза писателей России.

МЫ ДЕТИ БЛЕДНЫЕ ВОЙНЫ

ДЕТСТВО

Дождь сыплется на озеро лесное,
И кажется — вблизи журчит ручей,
И зелень юная стесняется немного
Своей красы весенней.
Сияет чистый земляничный лист.
Вдруг детство вспомнилось далекое
В укромной костромской деревне.
Зимой волк заживал, бывало.
Кричали: «Волк!», и было очень страшно.
Баран воинственный боднул в живот.
Ручей заморозил прозрачностью —
Меня со дна достали.
А за околицей поля, тропинки...
И теплый бугорок в лесу,
Покрытый земляникой.
Он долго снился мне...
Теперь уже не снится.

ОТЕЦ

Мне был лишь год, и я не знала,
Что оказалась у начала
Смертельной жертвенной войны,
Что мой отец в утробе танка
Порою вспоминает Канта,
Но дни танкиста сочтены.

А он в своем идеализме
Мечтал о справедливой жизни...
Письмо последнее прислал —
Был август, первая година,
Уже обрушилась лавина —
И жизнью, и судеб обвал.

Под Ленинградом схоронили
В солдатской, праведной могиле —
Последний штрих в земной судьбе.
Он в церкви Богу не молился,
Но жизнь отдал — не поскупился...
И в Небо путь открыл себе.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Война. Деревня костромская.
Страды горячая пора.
У мамы вахта трудовая,
Сынишка каждый день с утра

Закрыт в избе. Сидит примерно,
Удрать не может никуда,
А под окном подругой верной
Его соседка, как всегда,—

Трех-четырёх годков девица.
То я была. Худа, мала.
Мать все звала домой — умыться,
Никак дозваться не могла...

Он к нам являлся без смущенья
В рубашке рваной, босиком,
И мама, словно в день рожденья,
Кормила гостя пирогом.

О чем, не помню, говорили —
Житейский ветер закрутил.
Шутили, женихом дразнили...
Осталось имя — Рафаил.

МАМА

Проложу я молитвой в запретные дали тропинку,
Словно в узкую щель, незаметно по ней проскользну,
Чтоб успеть поскорее внести золотую крупинку
В твою светлую память — добытых сокровищ казну.

Загляну в твои сны — в них сияют над Волгой закаты,
Ты стоишь на ветру — статуэтка работы ручной,

И отец с увлечением, так же как в тридцать девятом,
Рассуждает о Гегеле, ежась в прохладе речной.

Знаю, в сон твой благой строгий страж никогда не пропустит
Похоронки, как пули, внезапный и жгучий удар,
И больного ребенка, и привкус пожизненный грусти,
Что бывает у вдов, и от печки дымящей угар.

Постою в твоём сне, замирая с надеждою зыбкой
Вновь увидеть себя старшеклассницей с длинной косой
И тебя, навсегда молодой, с безмятежной улыбкой,
И тогда я поверю, что встретимся скоро с тобой.

ПРИКОСНУТЬСЯ К ТАИНЕ

УМ И СЕРДЦЕ

Я бьюсь, как муха о стекло,
В своем усилии бесплодном
Соединить в уме холодном
То, что осмыслить тяжело.

Не зря прославлен интеллект —
В нем блеск и прямота кинжала,
И остроумие, как жало,
Всегда находит свой объект.

Но даже ум порой молчит,
Очерченный предельной гранью,
Лишь сердце предрассветной ранью
С надеждой прежнею стучит.

ТЕНЬ

Брожу по миру робкими шагами,
Они на срок недолгий мне даны.
Роняю шепот бледными губами
В холодный свет безжизненной луны.

Всего лишь тень, обман, мираж в пустыне,
На полотне набросок черновой.
Вчера он был, а завтра или ныне
Бесследно стерт решительной рукой...

Творец на холст наносит слой еля,
Втирает краски мира своего.
Мне стать живой — не раньше, чем сумею
Впитать хоть каплю замысла Его.

* * *

Быть земле назначено шахматной доской,
Испытанию тяжкому отдана земля:
Бог играет белыми лишь одной рукой,
А другою — черного ставит короля.
Если служишь белому — век живешь в борьбе,
А уступишь черному — темный след в судьбе.
Человеку слабому не понять порой,
Кто над миром властвует — добрый или злой?
Выбор сердца смелого — он верней всего:
Кто играет белыми — первый ход Его.

НЕВЕДОМОЕ

Из тишины рождаются слова,
Из темноты приходит луч рассветный,
Спешит расти весенняя трава,
Из-под земли пробившись незаметно.

Неведомое скрыто в глубине,
Невидимая мощь бесповоротна.
Чтоб жить на свете и тебе, и мне,
Подспудная свершается работа.

Невидимое видит нас с тобой,
Бесстрастно жизнь планеты созерцает
И человеческих страстей прибой
Земною красотою умиряет.

МОЛИТВА

Как в жаркий день холодная вода,
Как в день холодный красный жар камина,
Земная жизнь для счастья нам дана,
И в этом воля и Отца, и Сына.
Хочу служить и Сыну, и Отцу,
Благодарить за каждое мгновенье,
Но слезы вновь сбегаят по лицу,
И душу мучит боль и сожаленье.

Прости, Отец, за горечь и печаль.
Прости за нерастрченную силу.
Уходит тело бренное в могилу,
А дух по-прежнему стремится вдаль.

Позволь, Господь, и на земном пути
Мне счастье неземное обрести.

СВИДАНИЕ

Ты вынырнул из темноты пелен,
Нарушилось могильное молчанье.
Спасибо сну, ведь если бы не он,
Когда б еще нам выпало свиданье...

Увидела, что смерть была легка —
Изношенное сердце отказало,
Разорвалось, из раны кровь бежала
Подобием живого ручейка.

О нет, мне страшно не было ничуть.
Похоже, просто атлас показали.
Шепнуть успела: «Завершен твой путь,
Все кончилось, и, значит, все в начале».

Но мысль вертелась подлою змеей:
«Что будет в час неведомый со мной?..»

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

Лебедев Сергей Александрович. Лауреат премии «Левша» имени Н. С. Лескова 2012 года. Член РСПЛ, РСП.

Я НЕ ЗНАЮ БЕССОННЫХ НОЧЕЙ МЕДСАНБАТА

Я не знаю бессонных ночей медсанбата,
И осколок не колет под сердцем моим.
Из трубы одинокой, обугленной хаты
Не слепил меня едкой горечью дым.

Испытать не пришлось мне дорог отступленья,
Я не полз под огнем на горячем снегу,
И за ужасы плена, свое унижение,
Не ломал я врага в рукопашном бою.

Только, если все так, что ж, не чувствую боли?
От всего, что приносит с собою война?
Да, рожден я, наверно, на мирную долю,
Незабытая боль мне от мамы дана.

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

*22 июня 1941 года на границе безымянный пу-
леметчик за час боя уничтожил более роты
фашистов, погиб, но не ушел со своего поста.
Из Истории ВОВ*

Четыре года до Берлина...
Горит советская земля.
И мать с надеждою на сына,
В бой проводившая, жила.

А сын, с гранатой и «Максимом»,
Закрыв собою батальон,
Пока от немцев уходил он,
Косил их первый эшелон.

С пробитой грудью, истекая,
Сын до последнего стоял.
Потом, истерзанный штыками,
На дне окопа умирал.

Окоп могилой стал для сына,
Без обелиска и холма...
Четыре года до Берлина,
Не зная, мать его ждала.

БАЛЛАДА О РОТНОМ

По Украине шли поротно,
Резерв кидают снова в бой.
В строю нам вольно и вольготно —
В деревне нет передовой.
Вдруг пулемет из крайней хаты
Ударил точно в первый взвод,
Мы с флангов, бросили гранаты,
И взяли немца в оборот.
Троих живьем. Ведем пинками.
Навстречу ротный, бледен, зол,
Он встретил пленных матюгами:
«За двух убитых — в горло кол!»
Потом сильнее разозлился,
Когда в них русских он узнал,
Ведь капитан с семьей простился —
Жену и дочек потерял.
Мы видим — подленькие души
Затрепетали. Он спросил:
«Присягу как посмел нарушить?
Ну, отвечай мне, сукин сын!»
Но вместо честного ответа,
«Прости», — дрожа, тот прошептал,
В лицо ему из пистолета —
«Прощаю», — капитан сказал.
Упали двое на колени,
И лица подняли, как мел,
Он им в ответ: «Не будет прений»,
И выстрелив два раза, сел.
Своих ребят мы на закате
Похоронили, взвод палил.
А ротный наш... да просто — батя,
Молчал всю ночь и водку пил.

БАЛЛАДА О ТЕЛОГРЕЙКЕ

Иванов телогрейку поправил,
Затянул ее крепко ремнем,
По солдатскому кодексу правил

Вещмешок и винтовка при нем.
На снегу догорала ракета,
И в атаку пошел Иванов,
Он не видел разрыва и света —
Темнота через десять шагов.
Высота безымянная взята,
За шаги — из фанеры звезда.
Старшиной телогрейка изъята,
А причина изъятия — проста:
Телогрейки, шинели и обувь
Зашивали, чинили в тылу,
Так, в боях поврежденную робу,
Возвращали опять на войну.
Телогрейки с пробитой ватой
Привезли в ярославский Ростов.
Из него в сорок первом когда-то
Призывался на фронт Иванов.
Средь работниц — вдова его Клава
Зашивала разрывы иглой,
В телогрейке отверстие справа
Залатала умелой рукой.
И когда тот распоротый ватник,
Был починен и к бою готов,
Прочитала она на подкладке:
«Третий взвод» и «Сергей Иванов».
Ниже адрес, фамилию, имя
Видит словно в тумане — свои,
И как будто дыханье сдавило
От нахлынувшей боли в груди.
Она гладила ватник руками,
Рукава, воротник, каждый шов,
От нее, ожидавшей ночами —
Навсегда уходил Иванов.

БАЛЛАДА О РАЗВЕДЧИКАХ

На западной окраине деревни Горевицы, что юго-восточнее г. Великие Луки, в 4-х километрах, среди братских могил 31-й отдельной стрелковой бригады есть могила трех разведчиков, заживо сожженных гитлеровскими палачами 83-й пехотной немецкой дивизии

«Знать и помнить преступления
фашизма в годы ВОВ». М. «Вече»
2012. НПИ. Док. № 43

Лес листвою шуршал, и молчала река,
Сапоги нам трава обнимала,
Возвращалась разведка из тыла врага,
По заметкам тропу свою знала.

Впереди за деревьями избы видны,
Тишиной напряженной объята,
Если что, автоматы нам будут верны,
Мы бывалые, в общем, солдаты.
Только вдруг из окна застучал пулемет,
Мы рассыпались редкою цепью,
Но враги окружают, нет хода вперед,
И стегают нас огненной плетью.
Кто засады не знал, тот меня не поймет,
Это кровь, это крики и пламя,
Разрывая огонь, мы стремились вперед,
И гудела земля под ногами.
По цепи передали: «Убит командир»,
И команда: «Вперед!» из засады,
Но мы словно мишени — устроили тир
И охоту немецкие гады!
Трое нас, мы остались, похоже, одни,
И в шинелях мышинных пехота,
Лай немецкий «Сдавайся» и вспышек огни,
Окружает стрелковая рота.
Два часа отбивались в избе от врагов,
Слышим крики команды захвата,
Мы тогда поклялись без торжественных слов,
Не нарушить присяги солдата.
Нам ломали суставы, кололи штыком,
Животы рассекли шомполами,
Умирали мы стойко, в крови, с матюгом,
А Победа — светила над нами.
И натешившись болью, устали враги,
Смерти нашей увидеть хотелось,
И живых нас бензином облив, подожгли,
«Прославляя» тевтонскую смелость.
Так в огне наши души и в вечность ушли,
Три звезды ярко в небе блеснули,
А враги еще долго боялись тиши,
Им все наши мерещились пули.
В Горевицах давно отшумела война,
Ты ж запомни, как все это было...
И на стяге Победы прочти имена,
Мы — Солянов, Лагутин, Шумилов.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

ЗИМНИЕ МЕЛОДИИ

Корнилов Владимир Васильевич, родился 10 января 1947 г. Вырос на Южном Урале, в селе Октябрьское Челябинской области. С 1967 по 1969 гг. служил в рядах Советской Армии. В 1987 г. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (занимался в творческом семинаре известного русского поэта, лауреата двух Государственных премий, Владимира Фирсова) ...В Сибири живу с 1972 года. Из тридцати с лишним лет, прожитых в г. Братске, около двадцати посвятил Производственному объединению «Сибтепломаши», где за годы трудовой деятельности освоил немало рабочих и инженерно-технических профессий. Работал токарем 4 разряда, шлифовщиком, конструктором, начальником смены. С 1994 г. и по настоящее время работаю во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска педагогом-методистом высшей квалификационной категории. Передаю свой литературный опыт юным дарованиям, пытающимся выразить свой внутренний мир художественным словом... Женат. Имеет двоих детей.

За вклад в совершенствование журнала «Сибирячок» В. В. Корнилов удостоен Знака отличия XV международной профессиональной выставки «ПРЕССА-2008» и присвоено звание «Почетный член общероссийской организации «Золотой фонд прессы». Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» им. поэта Николая Рубцова (г. Москва). Лауреат второго международного фестиваля славянской литературы и культуры «Славянские традиции-2010» — награжден Почетными премиями Конгресса Литераторов Украины им. Юрия Каплана и Международного Сообщества Писательских Союзов им. Владимира Даля (Украина, Крым, г. Щелкино) с вручением медалей. Победитель первого этапа международного поэтического конкурса «Золотая строфа-2010» (г. Москва). Финалист III международного литературного фестиваля «Русский стиль-2010» (Германия) — награжден дипломом с публикацией произведения в альманахе «Русский стиль». Полуфиналист международного конкурса «Литературная Вена-2010» (Австрия). По итогам международных литературных фестивалей 2010-го года Владимир Корнилов принят в члены Международной Гильдии Писателей (Германия).

БАБУШКА

Дед вернулся с войны
Опаленный, седой и небритый.
Ты навстречу неслась,
Чтобы счастья напиться досыта.
И от ласки солдатской,

Пропавшей махрой и грозою,
Мир в глазах посветлел
И по-бабьи пролился слезою...
Сколько весен с тех пор
Унесли долгой памяти реки?!
Сто метелей седых
Заплутали в одном человеке.
Возле глаз ручейки
Твою женскую долю вместили.
Ручеек к ручейку —
Родниковые души России.

НА ДЕЛЯНЕ

С чем сравнить материнскую силу?...
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на дяляне меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова, —
Все вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
И, укутав нас теплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль —
На дяляну родить понесло?!»
...Недороды да бедность по селам.
Даже песни не пелись без слез.
Дед же въехал в деревню веселым:
«Мужики! Пополнение привез!»

* * *

Дал Красный Май* Земле Свободу, —
И всколосилась детвора.
Звонкоголосому народу
Пришла счастливая пора...
Я рос уже под мирным небом,
Но не был баловнем страны:
В те годы было трудно с хлебом —
Мы это знали, пацаны...

* Красный Май — День Победы 9 Мая 1945 г.

Но жил в народе дух могучий,
Мир возрождавший из руин,
И песни тысячью созвучий
Вливались в наш победный гимн...
И были необыкновенны
В величье тех суровых лет
Отчизны голос вдохновенный
И мирный солнечный рассвет.
...Мне стали датой сокровенной,
Войны презревшей ремесло,—
Сорок седьмой, послевоенный...
Январь. Десятое число.

* * *

На все руки дед у нас:
В одночасье кадку сладил,
Баньку сам срубил в ограде,
В погребке затеял квас...
Сруб сложил — венец к венцу.
Конопатил крепким словом.
Вышла банька, — хоть танцуй,—
Пар в ней с запахом смолевым...
Брызнешь — камни зашипят.
Рукавицы дед наденет.
Веник, пробуя на деле,
Проберет до самых пят...
Кряжист дед еще в плечах,
Хоть в груди осколок чует.
...Баней дед себя врачует,
Вот и выжил — не зачах.

* * *

*Светлой памяти моей бабушки,
Корниловой Ефросиньи Петровны*

Для меня ты всех родней на свете!
Я твоей завидую судьбе:
Даже мама с папою, как дети,
За советом тянутся к тебе...
Если в школе получу я двойку,—
Пожуришь, но скажешь: «Не беда!»
Не устроишь мне головомойку,
Как мой папа делает всегда...
Приголубишь, угостишь конфетой,
Отогреешь сердце мне зимой.
От тепла и твоего привета
Вновь счастливый я уйду домой.
...Милая и добрая бабуля,
От души тебя благодарю!
В день рожденья все цветы июля

Я тебе, родная, подарю!
Обниму за худенькие плечи,
Самых нежных слов нашебечу.
...Мне с тобой в такой прекрасный вечер
Все невзгоды детства по плечу.

ПРАЗДНИК ЗИМНИЙ НИКОЛА

Тонкие снежные блестки
Ангелы сеют с небес.
В инее белом березки
Сгрудились кучкой невест.
Всюду узоры в оконцах.
Весел и праздничен день.
Зимний Никола под солнцем
Льет колокольную звень.
...Господи! Господи! Господи!
Как это сердцу сродни!
В звоне малиновом, Господи,
Благостью полнятся дни!
Музыкой горней влекомы,
Люди к молебну спешат,
Чтобы у Божьей иконы
Вновь освятилась душа...
Возле церковной ограды,
Много нарядных старух,
Крестятся — празднику рады,
Глянешь — заходится дух.
...Значит, еще не померкли
Радость людская и грусть,
Если толпится у церкви
Наша исконная Русь.

ВЗГЛЯД ИЗ ДЕТСТВА

Горели свечи среди бела дня,
И солнце пахло спелым апельсином.
...Нежданно деда рассмешил меня,
Назвав при встрече не внучком, а сыном.
Мы с ним столкнулись около кафе,
Где я на горке ледяной катался.
Мой деда был под легоньким «шафе»
И всем красивым тетям улыбался.
Они ему дарили свой привет —
Снежки бросали и смеялись звонко.
Как будто с ним знакомы много лет,—
Вели себя, ну просто как девчонки!..
Я деду тряс стыдливо за рукав,
Чтоб вел себя на улице прилично.
...Но взгляд его был весел и лукав:
Был Новый год — и, значит,— все отлично!

* * *

Николаю Золотареву

Праздник твой в родном кругу,
Невзирая на пургу,—
Хлебосолен...
Слышишь, Русь в церквах звонит? —
Души тянутся в зенит
С колоколен...
За окном кружится снег.
На дворе 20-й век
Провожаем.
На изломе двух эпох
Был он грозен, видит Бог,—
Мы-то знаем!..
Но стучится новый век —
Будь в нем счастлив, человек,
Бодр и весел!
День рожденья твой пришел,
Светел ты всегда душой,—
Пьян от песен...
Час, когда ты был рожден
И в купели окрещен,—
Мы восславим!
Впредь до двести лет живи
Ты в согласье и любви
С Православьем!..
Праздник твой в родном кругу,
Невзирая на пургу,—
Хлебосолен...
...Слышишь, Русь в церквах звонит? —
Души тянутся в зенит
С колоколен...

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

Акимов Валерий Юрьевич родился в 1949 г. в Новомосковске. Срочную службу проходил в погранвойсках на финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 г. переехал в Нижневартовск, где работает в нефтепереработке. «Почетный нефтяник», лауреат творческого конкурса ТНК-ВР. Стихи пишет с детства, автор нескольких поэтических сборников.

«В нашей семье в Великую Отечественную войну воевали четверо моих дядей и дед. Дядя — Акимов Константин Семенович погиб летом 1942 года под Ростовом. Дед — Петрунин Алексей Степанович пропал без вести в том же 1942 году на Калининском фронте. Мои родители с пятнадцати лет — участники трудового фронта».

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

В Европе есть город Бунцлау,
Свой орден я там получил.
Сам Жуков солдатскую Славу
Тогда принародно вручил.

В разведку мы в ночь выходили,
Входили в охотничий раж,
И знали, что ждет или — или...
Вдруг нам подвернулся блиндаж.

Секунда — и нет часового.
Кустарник листвою шелестел.
Был суд без единого слова
Для спящих семнадцати тел.

И пламя коптилки дрожало,
И тени от нас — миражи,
И нам ничего не мешало,
Мы в дело пустили ножи.

И чавкала кровь под ногами,
И жалости не было в нас...
Нельзя по-другому с врагами!
Я думаю так и сейчас.

ОТКРОВЕНИЕ ФРОНТОВИКА

Мой рассказ — пережитые были.
Молодым надо прошлое знать.
В школе мы атеистами были,
На войне стал Его поминать,

Воспаряя к Нему в мыслях птицей,
Чтоб простил за неверие Бог.
Без молитв, не умея креститься,
Зная только, что добр Он и строг,

Умолял перед боем, до муки
Устремляя свой взор в небосвод,
Чтоб глаза уцелели и руки,
Чтобы не было раны в живот...

Я ни трусом не слыл, ни скаредой,
Рисковал много раз головой
И Господь уберег, и с победой,
Слава Богу, вернулся домой!

21 ДЕКАБРЯ 1941 года

Снова я в окружении
Тех безжалостных дней,
В подмосковном сражении.
Слышу ржанье коней.

Там приказ накатали нам:
Нужно взять позарез
К дню рождения Сталина
Тульский город Мордвес.

Завывала метелица,
Сек огонь на скаку...
Никогда не отбелится
Наша кровь на снегу.

И не зря мне бессонница,
Я забыть не могу,
Как беловская конница
Погибала в пургу.

Но в глазах именинника
Командирам дал вес
У снегов и противника
Взятый город Мордвес.

«ШТУРМ»

Свою науку побеждать
Мы познавали под Москвою,
Начав страну освобождать.
С патриотическим настроем,

Без маскхалатов, не тайком —
Тогда и сумерки не пали,
Двумя колоннами, гуськом
На Бобрик-Гору наступали.

Пусть прошло немало лет,
Не забываются те роты,
Глубокий снег и шаг след в след,
Как сверху били пулеметы,

Гася наш воинский порыв,
Но прибавляя сил уставшим...
И третий делался вторым
И становился первый павшим.

Мы не любили трескотни,
Но чтоб в потомках воскресали,
Свои фамилии в те дни
Навек в историю вписали.

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

«Был и я молодым и горячим!
Распрямились морщины у глаз,—
Говорил он, усмешки не пряча:
— Не такие солдаты сейчас!

Представитель великой державы
И советскою властью рожден,
Я с боями дошел до Варшавы,
Ранен был и не раз награжден...

Я названья заморских селений
Безударно читал по слогам...
И теперь нет ни в чем сожалений,
И вдвойне беспощадней к врагам.

Хоть и силы былой не осталось,
Мой задор боевой не угас.
Жалко только, ну, самую малость:
Не узнают всего после нас!»

НАСТЕННЫЕ ЧАСЫ

В них явно для удачи
Минуты и часы:
У Сталина на даче
Такие же часы.

Всегда предмет вниманья —
Поди еще достань!
Трофейная Германия:
Реликвия и дань.

Семейная традиция
Без языка и рук
Грустить и веселиться
Нас приглашает в круг.

Со всех концов вселенной
Услышав бой часов,
К ним памятью нетленной
Несет сердечный зов.

По возрасту другие
Мы за одним столом
Все душами нагие
В том призрачном былом.

СОЛДАТ

Победный май — ему уже полвека,
Но раны догоняют тех солдат.
История простого человека:
Недавно был еще молодцеват,

Сраженный после битвы русский воин.
Старуха с ним и время — на двоих.
Лежит сосредоточен и спокоен,
А ночь, как вечность, жизнь — единый миг.

Бывает, за день не промолвит слова —
Глядит сквозь паутину в потолок,
А память все картины из былого
Мотает, словно пряжу на клубок.

Не ищет в них ни почестей, ни славы,
И жить уже не может без войны.
Забывтый сын, спасенной им державы,
Давно устав ждать помощи страны,

Он каждый день в подбитой самоходке
Горит и сердце учащает стук...
Спасает всякий раз глоточек водки
Обманом избавления от мук.

ДЕД АЛЕКСЕЙ

Во мне он — метою из мет,
Я — слово им запетой песни!
Так получается, что дед —
Не одногодок, а ровесник.

Не слыл в селе говоруном.
И огород любил и поле.
Не зря прозвали «агроном»,
Жил независимым в неволе.

Не убежишь от мыслей ос,
Какими б ни были шальными:
Вот, если б он вступил в колхоз,
Хотя бы вместе с остальными.

Всегда так: если да кабы,
Когда давно прошли те годы,
А дом его в деревне был
Последним островом свободы.

И костью в горле у властей,
А потому не поглядели
Ни на лета, ни на детей.
Исполнив то, чего хотели.

И, небывалому бывать!
Ох, не до жира — быть бы живу!
Его послали воевать,
Не подлежащего призыву.

Не из дворца, не из хором,
А где всегда нужда в заботах...
Мой дед уже в сорок втором
Погиб в калининских болотах.

Сквозь суетошный будний бег
Я слышу, видно, от пророка:
Алексий — Божий человек!
И Бог забрал его до срока.

Роза Нарышкина
(г. Алексин)

МАЛЕНЬКАЯ КОЗЕТТА

*Посвящается бывшей узнице немецких
концлагерей Валентине Бергнер*

Враг пришел на родную землю, попирая ее силой оружия. Город Ржев оккупировали фашисты, ставшие жестокими хозяевами. Многие погибли, немало было отправлено в Германию, в том числе детей и подростков.

Кате исполнилось 12 лет, когда началась эта страшная война с фашистской Германией. Отец с братом ушли на фронт, а она с мамой остались без всякой поддержки. Вскоре они попали в плен к немцам и были отправлены в грязном, вонючем товарняке в город Дорогобуж, где фашисты создали концентрационный лагерь. Поезд шел долго, почти не останавливаясь. Катя, прижавшись к матери, вспоминала, как славно они жили до войны, какая дружная и талантливая была ее семья: мама прекрасно пела, брат Алеша хорошо играл на баяне, писал стихи, мечтал стать летчиком (он им и стал, окончив в начале войны летное училище). Маленькая Катя тоже имела хороший голос и вместе с мамой и братом пела лирические песни, звучавшие часто по радио. В одночасье все рухнуло.

В грязном вагоне было тесно и душно, еще и холодно: через щели вагона дул холодный промозглый ветер. Очень хотелось есть; все, что успели взять с собой, съели. Немцы давали жидкую, сваренную на воде кашу один раз в день. Наконец, прибыли в Дорогобуж, где всех распределили по баракам. Здесь предстояло жить и работать на немцев. Трудно описать барак, его надо было видеть, чтобы понять всю безысходность тех, кто попал сюда. Дети работали наравне со взрослыми, понимая всю тяжесть положения.

Война затянулась. Не было сил уже, но где-то в уголке сердца теплилась надежда, что весь этот ужас кончится и Родина будет свободна от злой нечести, несущей голод и смерть. Утро начиналось с окриков немецких солдат, выгонявших пленников на работу. Катя держалась около материнского плеча, Анастасия говорила тихо дочке:

— Держись, доченька! Папе и брату разве легче на фронте?

— Мамочка, я постараюсь не плакать. Только руки болят.

— Это от тяжести и от холода. Потерпи, родная. Вечером я тебя полечу.

— Хорошо, мамочка. Я буду терпеть,— отвечала Катя.

А между тем работа подрывала силы и здоровье людей, некоторые, не выдержав трудностей, падали. Тогда немцы поднимали крик, а то и стреляли. Одежда у Кати потрепалась, кто-то дал ей большую теплую кофту, которая висела на девочке, как на вешалке. Весенняя оттепель несла холод. Туфельки на ногах развалились, оставались только валенки с галошами — на них была надежда. В бараке было сыро и холодно,

ко всему донимали мыши и насекомые, особенно вши, переносчики всякой заразы. Много людей умирало от болезней, голода и перенапряжения нервов. Выживали немногие сильные. Началась эпидемия тифа, которая свалила и Катю. Ее изолировали от тех, кто работал. Пока девочка лежала больная, с высокой температурой, в бреду, фашисты отправили мать в другой лагерь. Так мать и дочь были безжалостно разлучены. Когда Катя стала поправляться, она обнаружила, что у нее украли галоши, Валенки без галош промокали в сырую весеннюю погоду, набухали и в конце концов развалились. Так что на поверку по утрам Катя выходила босиком. Вспоминая маму, ее заботу, она втихомолку плакала, пряча ото всех свои слезы. Девочка выросла, вскоре в числе других она была отправлена в Слуцк. Здесь условия для жизни и работы были ничуть не лучше.

Война продолжалась. Впереди Польша, чужая речь. На третий день прибытия в лагерь Катя с подружкой, с которой сблизилась еще в Слуцке, решили бежать. Им повезло уйти от преследователей. Девочки решили разделить: Света пошла в один дом, Катя постучалась в другой. Хотелось есть так, что сводило живот. Каждая из них просила милостыню. Кате открыла дверь хозяйка пани Липперт, которая, увидев бледную, худую, полураздетую девочку, без обуви, пожалела несчастную.

— Откуда ты, дитя? — спросила женщина.

— Оттуда я ушла, — сказала Катя, махнув рукой в сторону лагеря.

— Ты сбежала?

— Да. Помогите. Оставьте у себя, я буду делать все, что скажете, — глаза

Катя молили о помощи, слезы текли по щекам.

— Хорошо. Проходи. Ты мне расскажешь все про себя. Садись, я тебя для начала покормлю.

Так Катя стала жить у бабти (так в Польше называли бабушек) Липперт, которая умела говорить, хоть и плохо, на русском языке, поэтому и хозяйке, и госте было не трудно понимать друг друга. Катя делала по дому все, что могла: мыла полы, работала на кухне, убирала двор, носила хворост из леса, который находился неподалеку от домиков. Соседи давно приметили маленькую девочку, носившую охапки хвороста. Кате хотелось бы взять побольше, да в ее руках умещалось мало. Она ходила босиком, спотыкаясь о кочки, о камни, и хворост порой вываливался из слабых рук. Со слезами на глазах она работала наперекор усталости, никогда не жалуясь. Пани Липперт была по характеру доброй женщиной, но иногда в запальчивости кричала на девочку:

— Какая ты ленивая! Спишь на ходу!

— Не ругайтесь, бабтя! Я постараюсь...

— Вот-вот, старайся! Ну ладно не плачь, — жалела она Катю и в знак примирения угощала чем-нибудь.

Самое трудное было — ходить за водой к колодцу. Надо было опустить ведро в колодец, зачерпнуть воду, а потом крутить ручку, чтобы поднять полное ведро наверх, и если оно вырывалось из рук и летело вниз, приходилось крутить тугую ручку снова и тащить ведро. А сил мало, а ведро огромное, а руки слабые. И пока несла это большое ведро, вода расплескивалась, обливая подол платья и босые ноги. До дому доносила неполное ведро. Бабтя сердилась и посылала к колодцу снова. Соседи, наблюдавшие за этой картиной, жалели Катю, называя ее маленькой Козеттой. Видимо, рядом жили образованные люди, читавшие французскую классику. Да, девочка из Советского Союза напоминала им героиню романа Гюго «Отверженные»

Катя встретилась с мамой, с братом и отцом позже, когда пришла долгожданная победа. Но об этом рассказ пойдет в следующий раз. Это будет продолжением семейной истории.